

Раздел 3. СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ВРЕМЕНИ

3.1. ПАРАДИГМА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Социальное время человека

Течение и измерение времени - общая черта жизни каждого из нас. Необратимость времени основана на социальных и природных процессах, а также структуре значений, позволяющих придать смысл нашей жизни в условиях конечности собственного существования. Темпоральный аспект смысла поддерживается нашей памятью и историей, что позволяет обрести нам личностную идентичность.

Каждый социальный субъект пытается конструировать свою жизнь как полную смысла, осваивая прошлое и проектируя будущее, но общество определяет границы вариативности индивидуальной судьбы. В социальных практиках находится не меньшее, чем в природе, разнообразие типов социального времени, так как люди потенциально способны на бесконечно большое продуцирование темпоральных структур. Однако разнообразие форм социального времени, начиная от дневного или недельного цикла, очерёдности событий, стадий карьеры и жизни, и кончая циклами истории, оставляет в действительности мало свободы для индивидуального структурирования времени.

Рутинная повседневность окружает людей, и возможно выбирать лишь из определённого набора реалистических моделей образа жизни и судьбы. Этот реализм задаётся обществом и ограничивает свободу социально сконструированными вероятностями событий. Кажущаяся свобода и произвольность выбора распорядка дня или недели, жизненных планов даже в сфере свободного времени оказывается на поверку в большой степени иллюзорной, так как ограничивается не только принятыми схемами контактов и структурой потребностей, но и представлениями о реальном, необходимом и целесообразном. За этим кроются коллективные образцы рациональности, которые могут иметь институционализированный вид или находиться в бессознательном, но жизненные планы и сценарии в значительной степени определяются именно ими.

Для социальной повседневности фундаментальным опытом переживания времени становится сложная для наблюдения взаимосвязь физического и социального времени во внутренней жизни человека. Индивиды могут воспринимать время и как непрерывный поток изменений, и как одновременно стабильное и контролируемое постоянство. Наша жизнь может быть обрисована как последовательность фаз самосознания, что позволяет рассматривать проблему самоидентификации как темпоральную. Данная последовательность обеспечивает каждого из нас глубоким смыслом времени, что необходимо для адекватных реакций на жизненную ситуацию. Хотя в эту область вторгается биографическое время и разнообразные идентификации, всё же главным является переживание презентивного и в

определенном смысле атемпорального момента уникальности социальных практик и индивидуального опыта.

Новый стиль в исследованиях времени заключается в интенсификации работ гуманитарной направленности, создающей существенные предпосылки для создания важнейших приоритетов в социологии времени как необходимого наряду с пространством атрибута социальных изменений. Многочисленные и разнообразные формы социального времени человека и его социальной жизни исследуются только учеными различных наук, однако большой опыт анализа художественными средствами накоплен в мировой и российской литературе: Шекспир, Пруст, Т.Манн, Достоевский, Л.Толстой, Айтматов, Акунин, Мураками.

Превратности времени, его инверсии, взлеты и падения, злобность и благожелательность, величие и мещанская ограниченность — ярко передается искусством, становится аргументацией и доказательством фундаментальности времени в структуре поведения и социальных практик человека. Повседневный язык отображает многообразное содержание времени глагольными временами и привязками к глаголам действия: время любить, время ненавидеть, идти в ногу со временем, чувство времени.

Занятый человек считает, что время быстро летит, а человек-созерцатель сетует, как оно тянется. Чем более открыто время человека историческому времени, тем более оно ценно. С момента осознания себя личностью, в процессе ее социализации человек осваивает социальное время, синтезируя в нем различные культурно-исторические, трудовые, психические и биологические формы. В итоге аксиологический, то есть ценностный смысл проекта социального времени проявляется в эволюции его оценки в разные эпохи, в зависимости от типа деятельности, стиля жизни.

Если аспект времени человека как рода рассматривался нами как вопрос о социально - историческом времени, то время человека как вида не может рассматриваться вне его личностной оценки. Оно предстает в качестве индивидуального по форме, но социального по своей сути времени человека, сложный спектр которого отражается в различных видах практик субъекта: хозяйственной, политической, научной, художественной.

В силу уникальности человек воспринимает мир избирательно, пристрастно, его внутренний мир организован в индивидуальных формах времени. Первый уровень времени человека — психологическое время индивида, сенсорное, психическое, а также время на уровне сознания, связанное с *этажами* внутренней речи. Это—система осознанных и неосознанных физиологических ритмов, сопряженных с природными формами времени, темпоральные характеристики психической деятельности—интуиции, эмоций, воображения. В этой структуре синтезируются биологические и психические ритмы: ритм функционирования клеток, последовательность сенсорно - перцептивных процессов, суточная ритмика организма, деятельность памяти, темп индивидуального развития организма, непрерывная психологическая самоидентификация. Это — реальные

временные параметры на уровне биопсихического, они лишь постепенно осознаются и преобразуются под влиянием социокультурных факторов.

Переживаемый опыт личного психологического времени происходит из переплетения физических и социальных регулярностей и продолжительностей. Индивиды могут воспринимать время и как непрерывный поток изменений, и как одновременно стабильное и контролируемое постоянство.

Психологическое время частично свободно от жестких циклов и векторности: в обстановке сна, фантазии, галлюцинаций и искусства время действительно может останавливаться и даже возвращаться, словно оно тогда подчиняется нашему глубинному желанию. Инверсия психологического времени человека связана со способностью взглянуть на жизнь с любой временной точки, порой даже с точки зрения момента, выходящего за границы собственной жизни. Овладение поведением в жизненном пути поэтому не тождественно обычной хронологии. Недаром говорят о четырех типах возраста — хронологическом, биологическом, психологическом и социальном. Для противников нефизических форм социального времени это — неожиданность.

Второй уровень связан с формированием и становлением жизненной позиции в сложном процессе социализации личности, осознания ею окружающего мира, своего места в мире. Личностное время сопряжено с социальным временем, обеспечивает выход из временной структуры субъекта в ритмы культуры и общества. Обратное воздействие на личностную структуру времени можно интерпретировать как социокультурную детерминацию этой структуры, включающую организацию производственных процессов и общественные отношения, язык и мышление, типы деятельности и поведение, конкретное знание о времени, грамматические формы времени в языке. Этот уровень выделяется на уровне личности, связанном с отражением жизненного пути, процессами самоидентификации, окультуривания индивида.

Личностное время оказывается *столь же социальным*, сколь социальное время - личностным, поскольку история — это не фон, на котором разворачивается существование человека, а наиболее фундаментальное условие и способ обретения и реализации сущности. Наличие разных систем отсчета времени человека имеет глубоко основу во взаимодействии единичного опыта с социальными практиками, хабитусами, опытом охватывающей его макросистемы. По мере развития систем информации разрастается общий план существования объекта, раздвигающий границы его индивидуального времени, делающий его сопричастным прошлому и будущему более широкой системы.

Третий уровень времени человека связан с понятием экзистенции, это — экзистенциальная форма времени, выражающая уровень осознания временных рядов и ритмов собственного существования, жизненного пути и самосознания личности, время осуществления, самореализации личности,

фундаментальных целей ее жизни, но не календарная хронология. В этой форме времени происходит переживание уникальности и самоценности человеческого существования, в сопряженности с конечностью, жизненной позицией в контексте сопричастности к сверхличному, приобщения к трансиндивидуальному. Этот уровень есть форма реализации социальной сущности, овладение культурой: здесь происходит встреча культур.

Временной параметр самосознания субъекта возможно обозначить как *темпоральность*. В каждый момент времени экзистенциальная форма представлена сознанию превентивно, *атемпорально*. Но это не значит, что настоящее выступает единственной формой реальности как конечность, сугубое самосознание в структуре самопроецирования и человеческой заботы. Напротив, социальные практики и трансформации выражают специфику наполнения времени человека. Социальный статус времени как формы существования, характеристики субъекта разъясняет, почему важна концентрация внимания вокруг аксиологической рефлексии времени.

Без наличия индивидуального времени и его переживания в сознании как единственно данного для человека актуального времени невозможна целенаправленная психическая деятельность. Это показано представителями медицинской и психологической науки. В процессах дезорганизации психики человека выявлено ослабление или исчезновение собственного времени, формирование чувственных образов, адекватных объекту, возможно лишь при сохранении индивидуального времени. Отсюда возможность психической инверсии времени: сознание больного смещено в сторону прошлого, настоящее ослаблено, исчезает вместе с будущим.

Но если бы была возможность абсолютной изоляции субъективного времени с исключительно экзистенциальной формой, было бы ясно, что нет условий для взаимодействия индивидуального времени со временем культуры и истории. Если социальный субъект понимать только в качестве индивидуальности, то за пределами собственного существования и личного экзистенциального времени личность видит лишь пустоту, утрату вкуса к жизни, происходит отторжение смысла жизни (фрустрация), которому не соответствует временная перспектива.

Когда же человек переносит главный акцент на социальное время культуры, глобальные проблемы общества и общечеловеческие ценности, то и собственное время он оценивает более масштабно, с широких позиций. Поэтому время человека не может быть сведено к экзистенциальному, оно является более сложным, видовая детерминация времени человека развивается на досоциальном уровне, а родовой механизм детерминации носит культурно-исторический характер.

Свое индивидуальное время имеет не только целое, но и образующие его части, а потому при исследовании целого необходимо учитывать время жизни объекта не только на уровне его как целого, но и на уровне его частей. Картина временной согласованности тем сложнее, чем выше организованное целое, а множество собственных времен тем больше, чем сложнее

дифференцированное целое. Опосредованное, многостороннее отражение времени осуществляется общественным субъектом по-разному в различные эпохи, но всегда систему временных параметров природы, истории, культуры и собственной жизнедеятельности человек постигает в процессе деятельности. И если есть возраст человеческих дел, то есть и возраст человеческих представлений, идей, духовных форм.

В известном смысле человек становится субъектом времени социальных трансформаций: это обстоятельство реализуется в стремлении человека к большей свободе действия, оперативности, интенсификации жизни, трансформации социальных институтов и отношений. Социальный субъект стремится овладеть временем, оптимально организовать свое рабочее и свободное время, перейти к управлению временем, новому стилю жизни. Одновременно этот переход человек стремится осуществить максимально безболезненно, без стрессов, социальных катастроф и природных катаклизмов — ему необходимы знания различных форм времени, умение сочетать ритмы различных уровней.

Оценка времени личностью классифицируется по четырем типам: пассивно-ситуативная (сиюминутность и безынициативность, стихийность); активно-ситуативная (нет пролонгированной регуляции ответственности); пассивная регуляция (понимание пролонгированных тенденций, но созерцательное отношение ко времени жизни), активно-созидательная (преобразующий тип регуляции времени жизни, жизненная перспектива, четкая жизненная концепция, сознательная творческая регуляция). Так формируется особый общественный личностный феномен — прогностическая устремленность, которая предполагает выбор сценария, переход к управлению социальными процессами и собственной деятельностью.

Другая традиционная оценка времени связана с рамками *жизни и смерти*. Обыденное сознание и метафизический стиль мышления рассматривают смерть индивида как чистую негативность, пустое абсолютное небытие, наука, напротив, активизирует жизненную позицию человека, побуждает к созданию подлинных ценностей, предохраняет от пустого растрачивания времени. Знание о конечности жизни напоминает человеку о смерти, но одновременно дает значительные привилегии в борьбе за существование. В переходе от индивидуального к общечеловеческому ценность времени природы и времени истории, культуры общества означает ценность существования человеческого рода, общества и цивилизации, ценность живого, природы вообще.

В этом направлении проблемы терроризма, войны и мира имеют бесспорно первостепенное место среди международных проблем, имеют прямое отношение к сохранению цивилизации, человечества и жизни на Земле. Власть человека над временем далеко не иллюзорна, человек осваивает его при условии осознания его ценности, появляется свобода овладения любой формой времени. Субъект культуры определяет себя как потенцию либо волевою определенность, воплощение либо крушение цели.

Власть и освоение времени может осуществляться человеком-индивидом и человеком как родом. В последнем случае реализация истории происходит благодаря объективному инвариантному содержанию социального времени и осуществляет давление, детерминирует субъективную наполненность времени человека, хотя сам этот инвариант оказывается выше ограниченного индивидуального времени. Если речь идет о власти общества над временем, то это - проникновение относительно априорного социального времени во временную организацию жизни отдельного человека. Во-вторых, это проблема государственного распределения, экономии, освобождения времени, умения с ним обращаться, проблема культуры социального времени. Власть над временем проявляется и в повседневной жизни человека, но углубляется, усиливается, акцентируется в научном и художественном творчестве. Высокая культура времени — там, где оно воспринимается как время самореализации, исполнения фундаментальных целей жизни, а не как простая хронология, упорядочивающая повседневную жизнь.

Время *интеракции* принадлежит внутреннему опыту индивида, зависит от социальных правил, существующих независимо от их создателей. Правила являются само собой разумеющимися, структура времени интеракции, определяющая очерёдность и продолжительность взаимодействия, составляет одну из универсалий определённой культуры, которую человек осваивает изо дня в день, проживая свою жизнь в качестве члена общества и участника конкретной ситуации общения.

Объективированное время интеракции, начиная от ритуала ежедневных встреч, покупки газет, деловых переговоров или обращения к социальному работнику и кончая структурой рабочего времени или институционализированными формами времени в учреждениях (школа, тюрьма, больница), порождает экспектации и смыслы, определяют и направляют его действия и жизнь в целом.

Кроме указанных социальных структур времени существует большая область темпоральности, образованная взаимодействием природы и человека. Это ритмы природы, которые люди определяют как значимые единицы социальной упорядоченности: день, неделя, времена года и тому подобное. Они составляют повседневность и структурируют деятельность человека, имеют физическое или биологическое происхождение, но координированы и стандартизированы социальным порядком.

Сюжеты времени, таким образом, вписываются в жизненную позицию, мировоззрение человека, оказывая существенное влияние на всю структуру деятельности общественного субъекта. Время и временность побуждают человека к мудрости, пониманию того, что вечность присуща лишь природе в целом, а от человека зависит принятие глобального решения: быть или не быть. Сейчас уделяют большое внимание анализу форм времени в жизни человека. Общей задачей в социальной работе является помощь человеку в осуществлении его жизни, полноценной самореализации, что предполагает

анализ и коррекцию (самокоррекцию) жизненного пути личности. Основой последнего выступает время или темпоральность человеческой жизни в её различных формах. В процессе труда и совместной деятельности время становится подобным пространству и веществу, обретая свою предметность в товаре, общественных отношениях, формах сознания. Специализированное время овеществляется в предметность, может накапливаться, им можно владеть, делить, отчуждать и присваивать. Такой вид темпоральности предстаёт перед человеком в форме собственности, денег, экономического и социального статуса, культурного капитала и капитала здоровья.

Отношения между людьми требуют согласования их действий в темпоральном аспекте, что выражается во временных последовательностях интеракций, начиная от повседневных ритуалов и кончая социальными институтами, такими как календарь или экономика, семья или досуг. Сам социальный порядок можно интерпретировать как темпоральную упорядоченность, напоминающую образ очереди в этнометодологическом подходе к социальной реальности. Социальный порядок задаёт матрицы жизненного цикла, который реализуется в индивидуальном жизненном пути с тем или иным отклонением, определяемым уникальностью обстоятельств жизненной ситуации и свободной волей человеческой экзистенции. Живое, экзистенциальное время непосредственно оступно в переживании, воспоминаниях и мечтах. Оно может быть выражено внешним образом в психологическом статусе, установке и ожиданиях. Но большая часть Я-времени сокрыта во внутреннем диалоге сознания и бессознательного. Совокупность чувств и переживаний по поводу отношения Гамлета ко времени и к вечному вопросу бытия в наши дни смещается, переносится непосредственно на современность, и неожиданность художественной реминесценции лишь усиливает остроту вопроса.

Проект возраста

Одним из наиболее закрепившихся объяснений человеческого поведения является понятие *возраст*, самое подлинное объединение, к которому можно принадлежать. Возраст – одна из основных социальных категорий человеческого существования и основной фактор во всех обществах для назначения ролей и предоставления престижа и власти. Однако, возраст – не унитарное понятие и может использоваться в отношении развития жизненного цикла (молодой, средних лет, старый) или в смысле поколения. Те, кто родились примерно в один и тот же период времени, имеют аналогии и в развитии жизненного цикла и историческом опыте. Вход последовательных возрастных групп в общество был постоянной особенностью человеческой истории, но каждая группа входит в существование внутри определенной исторической и политической установки, играют важную роль для политической стабильности и изменения.

Древние греки хорошо сознавали значимости возраста для понимания человеческого поведения и политики. У греков жизнь была разделена на различные стадии, имеющие уникальные характеристики и интересы. Несовершеннолетний всегда подчинялся совету старших; таким образом, отношения между возрастными группами были на редкость гармоничными, это имело большое значение для общества и политики. Платон идентифицировал борьбу поколений как значительную силу для социального изменения, в то время как Аристотель считал, что политические революции – это не только борьба между богатыми и бедными, но и конфликт между отцами и сыновьями. Наследие поколений признавался в древней литературе как важный фактор в передаче ценностей от одного поколения к следующему в семье.

Во время средневековья понимание человеческого развития и возрастного поведения было минимально. Небольшое различие было сделано между детством и взрослым периодом, и молодежь рассматривалась как взрослые, только меньше. Так как акт создания, как думали, был мгновенным, ребенок не развивается: крошечный, полностью сформированный небольшой человек или гомункул находится в сперме; когда входит в матку, и просто становится большим в течение девяти месяцев. Средневековые художники изображали детей как миниатюрных взрослых, латинские термины для ребенка (*puer*) и взрослого (*adolescens*) использовались без изменения до восемнадцатого столетия. С индустриализацией несходство между ребенком и взрослым человеком стало более очевидным, проявления человеческого развития и соотношение поколений вызывали интерес.

В девятнадцатом столетии дискуссия приняла научную и теоретическую форму, были выявлены перспективы по отношению к возрасту, социальным и политическим изменениям, разные возрасты жизни рассматривались как определяющие силы для человеческих практик, с которыми социальные изменения и историческое развитие входят в жизненный цикл. Романтическая историческая интерпретация представлена в подходе к пониманию политики как силы, имеющей социальные и исторические влияния и политические последствия для представителей разных возрастных групп.

Возраст выступает для повседневной жизни человека в качестве рабочего понятия, репрезентирующего категорию времени. Возраст есть продукт социального сравнения, образующего скелет социальной структуры в виде системы возрастных классов, эволюционирующей в систему социальных классов и страт. Возрастная система играет в обществе роль естественной системы измерения социального времени и индивидуального бытия человека, все возрасты человека существуют бок о бок, будучи распределены между различными индивидами. На ранних этапах социальной эволюции половозрастной принцип выступал в качестве ведущего, а затем, после образования социальных классов и государства, он, в своём первоначальном

значении, вытесняется вглубь социальной системы. Но и в настоящее время наблюдается немалый интерес к различным возрастным процессам.

Возраст изучают биологи, психологи, демографы, социологи, а возрастные категории охватывают такие глобальные объекты науки, как человек, общество, культура. С другой стороны, возраст выступает и как особое интегрирующее свойство человека как системы, которое раскрывается при комплексном анализе закономерностей его развития. По существу социальное развитие человека отражает в своих индивидуально-родовых формах содержание социального времени, и поэтому концепции, включающие в свой аппарат понятие возраста, так или иначе связаны с социологией времени. Система возрастных показателей как нельзя лучше подходит для анализа процесса воспроизводства человека в аспекте социального времени, что необходимо для описания хроноструктуры общества.

Возраст как временной срез онтогенеза человека выступает системным феноменом. «Корни его уходят в биологию, а сущность определяется уровнем социального развития, типом культуры». Это требует исследования и учёта взаимосвязи биологических и социальных констант. Количественный, календарно-хронологический подход к времени человека должен быть дополнен здесь анализом качественных, системных и структурных свойств времени и соответственно возраста. В качестве модели биографической мобильности можно выделить систему возрастов, которые бы отражали как функциональный, так и динамический аспект жизненного пути.

Возрасты человеческой жизни можно сравнить с понятием функционального реквизита, введённого Т. Парсонсом. Он выделил четыре подсистемы действия: культуру, социальную структуру, личность и организм, каждая из которых выполняет функцию одного из четырех системных реквизитов, обеспечивающих ресурсы выживания. Системы обмениваются информацией и энергией, взаимно обеспечивая и ограничивая, обогащая и дополняя друг друга. Возрасты человека в таком аспекте представляются как уровни темпоральной организации человеческого бытия, обозначая позицию индивида на многомерной шкале социального сравнения, репрезентирующей фазы развития жизненного процесса. Возраст показывает меру накопления ресурсного обеспечения во временной перспективе с учётом её отнесённости к прошлому, настоящему и будущему.

Другим важным достоинством концепции системы возрастов как метода социологии и социальной работы является её тесная связь с анализом социальной стратификации и мобильности. Возраст служит эталоном социального сравнения и его продуктом. Отношения господства-подчинения и сейчас могут быть выражены в языке через оппозицию старшие-младшие, а значит зависимые-независимые. Причём, эта градация может включать в себя не только биологические, социально-экономические аспекты, но и психологические, культурные, профессиональные. И везде, где используется

понятие возраста, есть возможность выйти на темпоральные показатели, привязав их к процессу развертывания жизненного пути.

Возраст удобно связать с социальной позицией индивида, показывающей разрез вертикальной мобильности, ибо последовательность статусов часто взаимосвязана с временной последовательностью, а ролевые паттерны однозначно приписываются возрастными нормами. Горизонтальная мобильность, по модели венгерских социологов, может быть выражена через систему статусов-индексов. Она включает место жительства, жилищный статус, финансовый, культурный, статус потребления, статус в разделении труда и торговых отношениях.

Такая совокупная позиция индивида в нашей интерпретации означает пространственные характеристики возраста, но за ними стоит его временное значение, отражающие стартовые позиции человека, его перспективы, положение на сравнительной шкале его возрастной группы, как в хронологическом аспекте, так и в содержательном, фиксирующим степени психологического, культурного, социоэкономического развития индивида. Понятие возраста позволяет перейти от пространственных категорий к временным, которые только и дают возможность построения типологии, отражающей реалии жизненного пути в рамках хроноструктуры общества.

Ключевой характеристикой возраста Л.Выготский считал социальную ситуацию развития, отражающую место ребенка в системе общественных отношений, деятельность ребенка, новообразования в сфере сознания и личности.

Процесс перехода от одной возрастной ступени к другой предполагает глубокое преобразование всех названных структурных компонентов возраста и может сопровождаться более или менее выраженными конфликтами и противоречиями (возрастными кризисами). Каждый возраст характеризуется специфическими жизненными задачами, от своевременного решения которых зависит успешность перехода на следующий возрастной этап и личностное развитие в целом. Кризис характеризуется непредсказуемостью поведения, господством негативного характера развития, преобладанием разрушительной работы над созидательной.

Выделяются четыре основных и три дополнительных, переходных системных возрастов: социальный, культурный, психологический, биологический и экономический, педагогический, интеллектуальный. *Социальный возраст* выражает степень социальной зрелости, ответственности. Это проявляется в степени общественной активности, отраженной в ведущих видах деятельности. Дополнительным здесь является экономический возраст, выражающий продуктивность экономической деятельности, овеществляемой в экономическом статусе на разных стадиях жизненного цикла. Система социального, демографического, экономического статусов и их экспектаций отражает пространственный аспект жизненной мобильности, фиксирующий развитие темпоральности. Социальный возраст раскрывает меру общественной самостоятельности данной возрастной

группы и личности, выполняемые социальные роли и типичные взаимоотношения с представителями других возрастов. Иначе говоря, социальный возраст показывает степень социальной зрелости.

Значение возраста для понимания человеческого поведения и структуры обществ возросло в социологии повседневности, социальной геронтологии, теорию стратификации возраста, психологии развития, возрастной психологии. Возраст, конечно, является только одной из многих ориентаций в понимании политики – и, конечно, не господствующей. Во многих обществах некоторые из традиционных объяснений политического поведения, например, социальным классом, политической партией, и личностью, теряют свое значение, в то время как возраст становится все более и более важным в понимании политики, особенно, с увеличением молодых популяций в развивающихся странах и с быстро расширяющимися старыми популяциями в продвинутых обществах. Понимание хода жизни и политики поколения включает исследование возраста, времени, политики.

Главный вклад исследований политики жизненного курса был сделан в отношении знания о возрастных паттернах политического поведения. Это касается развития политического мышления у детей, основанных в значительной степени на теории когнитивного развития Пиагета и исследования детского развития. Например, интервью детей и подростков указали что: (а) существуют границы в способности ребенка концептуализировать и понимать политику, в зависимости от стадии когнитивной развития; и (b) детская способность понимать и постигать политический мир появляется постепенно.

Дети 3-6 лет уже начинают воспринимать политику, но эмоциональная идентификация с такими политическими символами, как президент, флаг, страна и способность понимать значение политических понятий, таких как правительство, закон появляется в более позднем возрасте. На этой стадии политическая мысль конкретна и проста, до тех пор пока не наступит ранний и поздний подростковый период, когда политическая осведомленность станет более сильной и политическое мышление более сложным. Исследование показало, что свойства политического мышления определяются такими факторами как интеллект, семейный бэкграунд, гендерные и этнические различия, социальный класс, в то время как направление политической ориентации находится под воздействием агентов социализации (семья, друзья, и средств массовой информации).

Ведущие типы методологических проектов, которые используются исследователями, имеющими отношение к различным аспектам возраста и политики, включают кросс-секционный (cross-sectional), лонгитюдный методы, временной ряд, и метод когорт. Выбор этих методов зависит частично от проблемы исследования. Исследователи использовали количественные и качественные методы в своих исследованиях политики жизненного курса и политики поколения; однако, некоторые методологические процедуры более соответствуют, чем другие для

выяснения центральных проблем, включенных в жизненный курс и политику поколения.

Кросс-секционный метод – самый простой тип, так как это измеряет индивидуумов различных возрастов только в один период времени. Но т.к. кросс-секционные исследования не повторяются, информация не дополняется центральными проблемами жизненного курса и анализом поколенческой политики. Исследования не показывают возрастно-групповые и внутриличностные изменения в политике с течением времени, или различия возраста в политическом поведении не соотносятся с жизненным курсом и влиянием когорты.

Некоторые из недостатков кросс-секционного исследования устранены в методе временных рядов, где разные выборки выводятся и измеряются в различные периоды времени. Такой проект полезен для выяснения общественного мнения в изменяющемся обществе. Метод жизненных историй проводился на групповом уровне, который дает больше информации относительно возрастных паттернов политического поведения, чем политические биографии. Анализ жизненных историй, когда применяется к группам, также дает возможность исследователю следить за каждым индивидуумом в течении какого-то времени, обеспечивая информацией о тех, чье поведение является более уникальным.

Кросс-секционный и лонгитюдный методы, метод временных рядов являются основными стратегиями, используемые для исследования связей между возрастом и политикой. Однако результаты исследования, полученные в ходе кросс-секционным методом, могут отличаться от тех, которые базировались на лонгитюдном. Интерес в политическом исследовании движется за пределы простых описаний различий возрастной группы к попыткам определить относительное влияние процесса старения, опытов когорты и влияния периода на политические ориентации и поведение.

Возрастной признак причинно связан с рядом психосоциальных свойств индивида, по П.Сорокину, они оказывают влияние на чувствования и верования, желания и стремления, идеи и интересы индивида, а через них на поведение человека и на всю социальную жизнь. Возраст является признаком принадлежности к одному поколению, однако принадлежность к одному поколению еще не означает равенства возраста, так как нельзя жестко фиксировать временной интервал, отделяющий поколения друг от друга, поскольку мы имеем дело с подвижными величинами.

Социальные различия между возрастными группами тесно переплетаются с различиями между поколениями. По своей сути различия поколений являются культурными, но их первооснова - природная. Смешение этих различий ведет к тому, что причины, лежащие в условиях социализации поколения, в особенностях его жизненного опыта, могут быть спутаны с причинами, лежащими в психических и физических характеристиках возрастной группы.

Метод периода старения когорты (иногда называемый измерением жизненного цикла поколения) требует большого набора данных, он более часто использует кросс-секционные ряды, чем данные лонгитюдного исследования (повторенные измерения, проводимые для когорт через какое-то время). Несмотря на популярность этого исследования, для обнаружения политической идентификации партий, политического доверия, чувства политической эффективности и отчужденности, результаты не всегда ясны: обычно выясняется комбинация влияний для определенного политического атрибута. Наиболее серьезная проблема метода периода старения когорты является идентификация: это то, что определяется автоматически. Проблема идентификации может быть решена, если исследователь способен предположить, что один из параметров не действует, но в большинстве случаев такое предположение нереалистично или неоправданно.

Временные аспекты социального развития человека реализуются в его возрастных характеристиках. Индивидуальное развитие может быть описано понятиями биография, жизненный путь, возрасты жизни, возрастные свойства, политика возраста, хронотоп идентификации.

Индивидуальное развитие многомерно, есть несколько подходов к определению возраста. * Это - календарный, хронологический возраст. *

Социальная детерминированность возрастных категорий: семьи, деторождения, образования, трудоустройства, пенсионного обеспечения. *

Физиолого-соматический подход - анализ старения организма, прогноз долголетия, И.И. Мечников создал учение о правильном образе жизни - ортобиозе как средстве профилактики преждевременной старости. *

Социальное конструирование возрастных особенностей: отношение в обществе к детству, старости. * Психическое восприятие возраста: Э.Берн в структуру личности любого возраста включает состояния Родителя, Взрослого и Ребенка. * Социальные аттитюды к возрастным особенностям.

Остановимся на вопросе конструирования *типологии возрастов*. *Культурный возраст* выражает степень интериоризации культурных богатств, освоение социальной памяти, ту стадию культурного развития ребенка, которой он достиг, и возможно соотносить культурный возраст, с одной стороны, с паспортным возрастом, а с другой - с интеллектуальным возрастом. Это справедливо и для взрослого, хотя он существует в более сложной ситуации взаимодействия субкультур. В перспективе можно переходить и к описанию хроноструктуры любого социального организма.

Психологический возраст выражает степень развития с определённым паттерном поведения, отражает особенности психического развития индивида, своеобразие интеллектуального развития, степень овладения трудовыми навыками. Психологический возраст выступает также как мера реализованности психологического времени личности, которая «определяется соотношением психологического прошлого, настоящего и будущего». Здесь дополнительным является *интеллектуальный возраст*, который означает степень развития функций интеллекта в соответствии с

хронологическим, биологическим и психологическим возрастом. Исторически это понятие восходит к понятию умственного возраста в тестах интеллекта. Несмотря на определенную критику, коэффициент интеллекта применяется в психодиагностике и может быть использован в психосоциальных исследованиях возраста.

Дополнительным возрастом является *педагогический возраст*, который П.Блонский определил как интегративный показатель школьной зрелости. Он демонстрирует степень соответствия биологической, психологической и социальной зрелости нормам программ обучения, с одной стороны, а с другой - соответствия этих программ нормам культуры (год и стаж обучения). Понятие педагогического или педологического возраста применялись П.Блонским к детям и взрослым, его подход актуален, учитывая требование непрерывного образования в современной культуре.

Биологический возраст есть комплексная характеристика потенциала организма, его способности к адаптации. Основным содержанием этого термина является степень соответствия морфофизиологического статуса данного лица некоторому общему, типичному уровню аналогичных показателей в когорте сверстников. В зависимости от выбранных тестов биологический возраст может быть оценен в координатах любой системы организма и на всех стадиях онтогенеза - от рождения до глубокой старости. Эта характеристика позволяет описать функциональное обеспечение других уровней-возрастов. Кроме того базовой характеристикой структуры возраста человека, с которой в наибольшей степени коррелирует хронологическая шкала, выступает уже знакомое нам понятие поколения. Данный показатель имеет опосредованное отношение к социологии, но без него модель возраста человека была бы неполной.

Политика поколений

Фокусируя внимание на важности поколений, представители романтической исторической школы утверждали, что биологический возраст не важен для понимания социальной стабильности и изменения, значительные культурные и исторические факторы структурируют менталитет поколения, связывают его членов вместе, разделяют их на старшие и молодые поколения. Поколения, таким образом, были определены на основе исторических различий и социального изменения.

В современных исследованиях термин поколение имеет различные значения и использования: * поколенческое наследие, или последовательно-возрастная группа – это поколения родителей и предков; * *когорта*, или возрастная группа, рожденная приблизительно в одно и то же время истории, типа когорты 1920-ых 1950-ых; * политическое поколение, или специальная возрастная группа в истории, которая осознает свою солидарность и соединяется, чтобы работать для социального и политического изменения, например, поколения Великой Депрессии и поколение 60-х.

В то время, как подход жизненного курса и поколенческий подход к объяснению политического поведения взаимно не исключают друг друга, они часто находятся на разных полюсах в политических дискуссиях и исследованиях, которые имеют тенденцию подчеркивать одну перспективу, игнорируя другую. Однако оба подхода касаются возрастных групповых различий в политике, вопрос такой, или политические взгляды изменяются или остаются неизменными в течение жизненного курса и откуда формируются политические поколения.

В социологической литературе имеются два полюса интерпретации межпоколенных взаимоотношений: 1) в современном обществе существует большая разница между поколениями и этот разрыв увеличивается (М.Мид); 2) подчеркивается маятниковый характер межпоколенных взаимоотношений, периоды конфликтов чередуются с периодами преемственности (Л. Фойер). В чистом виде, по мнению И. Кона, эти две позиции существуют лишь в спекулятивных, глобальных теориях. Как только проблема становится предметом эмпирического исследования, выясняется, что обе крайние точки зрения не состоятельны и межпоколенные отношения являются отношениями селективной преемственности.

Наиболее соответствует исследованию жизненного курса и поколенческой политике – лонгитюдный метод, в котором индивидуум, группа, или несколько групп измеряются в различные периоды времени. Наблюдение может быть проспективным или ретроспективным. Лонгитюдный метод обеспечивает информацию относительно возрастных различий, изменений и внутриличностных изменений в политике с течением времени. Несмотря на трудности, лонгитюдный метод лучше всего подходит для целей исследования жизненного курса и поколенческой политики, так как это – единственный способ, который может оценить изменения в политических взглядах индивидуума и группы.

Два из широко используемых типа лонгитюдных методов в исследованиях жизненного курса и поколенческой политики – это панельное исследование и анализ жизненных историй. Панельное исследование включает опрос тех же самых людей через какое-то время: оно обеспечивает полную информацию о внутриличностных изменениях с течением времени, и эффективно используется в политическом исследовании. Срок действия панельного исследования относительно короткий, по сравнению с перспективой жизненного курса, в котором делается акцент на изменениях в отношении к политике в течении всей жизни от молодого возраста до старости. Анализ жизненных историй – лонгитюдная техника, которая сосредотачивается на жизненном опыте, восприятии, интерпретации событий одним человеком или группой. Этот метод критиковался за психоаналитические аспекты, основное внимание уделялось ранним опытам детства, нежели значению влиянию когорты или анализу политического поведения в контексте исторического времени.

Перспективным представляется объединить жизненный курс и политику поколения в интерактивный подход. Измерения жизненного курса указывают на необходимость лонгитюдной методологии, которая предусматривает исследование на индивидуальном и групповом уровнях анализа. Однако, количественный тип анализа не особенно соответствует цели исследования жизненного курса и политики поколения по таким причинам: 1) индивидуальные различия прячутся, не видны в анализе данных, 2) количественный анализ, который обеспечивает анализ результатов взаимодействия и предусматривает допущения данных, не всегда доступен; 3) понятия, свойственные жизненному курсу и поколенческому анализу, теоретически далеко не однозначны и не совсем понятны.

Использование качественных сравнительных процедур может быть более полезно в разъяснении некоторых теоретических понятий и идентификации динамики и процессов, включаемых в жизненный курс и анализ поколения. Например, проводится комбинированный качественный анализ влияния исторического периода, влияния поколенческой когорты и процесса старения на индивидуумов и группу в течении какого-то времени; этот подход позволил бы исследователю связать развитие жизненного курса с историческими опытами внутри контекста социетальных и больших глобальных циклов.

В качестве иллюстрации приведем анализ политических поколений, тщательное внимание уделяется уникальному эффекту периода (например, молодая Европа), во течение которого временные кластеры политических поколений формируются, входят в конфликт с другими возрастными группами в обществе, и соединяются в внутр поколенческие единства, чтобы изменить ход политики. В то же самое время определяется влияние поколенческой когорты (например, молодая Россия, молодая Ирландия) и влияния жизненного цикла индивидуальных членов внутри поколения (например, развитие жизненного курса народников или фениев). Можно сравнить с другими политическими поколениями в истории (поствикторианство, Великая Депрессия, поколение 1960-х), чтобы идентифицировать паттерны сходства и различия в образовании, действии, смерти и влиянии политических. Другая стратегия может более фокусироваться на личности, использование сравнительного анализа жизненных историй. Необходимо получить больше подробной информации относительно динамики и процессов, включенных в жизненный курс и политику поколения, более точный, количественный анализ может дать много для теории.

В толковом словаре С. Ожегова *поколение* это, во-первых, - родственники одной степени родства по отношению к общему предку; во-вторых, - одновременно живущие люди близкого возраста. Иногда определяют поколение как группу людей, первичная социализация которых совершенствовалась в одних и тех же социальных условиях, под влиянием одних и тех же общественных взаимоотношений. Социальную форму

поколения можно определить как объективно складывающуюся конкретно-историческую совокупность близких по возрасту и сформировавшихся в один и тот же исторический период людей, характеризующуюся специфическими демографическими чертами. Поколение - совокупность людей, которых в пределах определённых временных границ выступает носителем очередного цикла исторического движения, т.е. очередным поколением данного общества.

Поколение характеризуется типичными жизненными условиями, социальными задачами и социально-психологическими чертами, которые фиксируются на определённый, конкретный период исторического развития. И.Кон выделяет несколько значений данного понятия: - степень происхождения от общего предка (генеалогическое поколение); - сверстников, т.е. людей, родившихся приблизительно в одно и то же время (реальное поколение или возрастная когорта); - современников, т.е. одновременно живущих людей разного возраста (условное поколение). Примеры: а) поколение 1920-х годов, б) поколение Октябрьской революции, в) поколение Пушкина; г) потерянное поколение. Наконец, - отрезок времени от рождения родителей до рождения их детей.

Понятие поколение тесно связано с понятием *когорта*. Когорта (от лат. *cohors*- множество, подразделение) - это совокупность людей, переживших одновременно одинаковое событие. Когорта, образованная по году рождения, называется поколением. В процессе этих поисков исследователь неизменно обращается к смене поколений как фактору биологического обновления: рождение и смерть, продолжительность жизни, замещение поколений через определенные интервалы. Такое развитие социального прогресса понимается как линейное, в основе которого лежат биологические ритмы социального обновления. Эту линию поддерживает Д.С. Милль, подчеркивая, что исторические перемены прямо или косвенно связаны со сменой поколений. Мера влияния прошлых поколений на современное - один из главных факторов социальной эволюции.

Гуманитарная традиция ориентирована на поиск внутреннего единства, качественной определенности данной исторической эпохи, ее представители считают основой социального прогресса исторический опыт поколения. В рамках этого подхода поколения рассматриваются как определенная социальная общность, локализованная во времени и социальном пространстве. Основным источником нелинейного социального прогресса понимается интеллектуальные движения новых поколений. Поколение выступает не только определенным временным интервалом, равным приблизительно 30 годам, но и духовной общностью людей, которые выросли в одно и то же время и чей жизненный опыт сформировался под влиянием одних и тех же исторических и культурных событий.

Ортега-и-Гассет считал поколение основным понятием истории, предлагал поколенный метод анализа исторического процесса, рассматривая историю человечества как историю разрешения противоречий между поколениями. В

его интерпретации поколение - группа тех, кто является сверстниками в цикле совместной одновременной жизни. Продолжительность исторического поколения равна у него 15 годам.

Связь индивидуального жизненного пути с историческими событиями, значимыми для всех людей, живущих в данный период времени, рождает новое, культурно-историческое понятие поколения, для которого существенна не только хронологическая одновременность существования группы людей, сколько общность их значимых социальных переживаний и деятельности. К. Мангейм создал единую концепцию культурных поколений в герменевтической традиции, созидательный потенциал поколения формируется в ранней юности, сохраняя свое базовое значение на протяжении последующей жизни.

Одно из самых старых значений термина поколения относится к наследию поколения, таких как дедушка, родители, дети. В политическом исследовании передача политических ценностей, установок и поведения от одного поколения к следующему внутри семьи – это главный предмет интереса. Ряд социологических и психологических теорий подчеркивает значение опытов социализации, как более молодое поколение обучается политике старшим поколением. Бихевиоризм, социальные исследования и символический интеракционизм подчеркивают, что многое из человеческого поведения объясняется перениманием действий значимых других, или через прямые инструкции и посредством компенсации/наказания/непоощрения или через наблюдение и моделирование.

Дети слушают политические обсуждения в семье и наблюдают политическое поведение своих родителей, в то время как родители имеют тенденцию компенсировать выражения политических установок и поведения, которые соответствуют их политическим убеждениям, и возможно они так действуют, чтобы сломить оппозиционные политические взгляды своих детей. Политически ориентированные действия поколения родителей не обязательно прямые, но тем не менее имеют значительное влияние на политических ориентации детей. Первичное восприятие мира и полученная система знаний формируют первичное своеобразие жизненного опыта и окрашивают последующее социальное существование в позитивные или негативные цвета.

С выходом на социальную сцену новых поколений появляются новые участники культурного процесса, которые усваивают и видоизменяют культурное наследство. Мангейм указал различия между поколением как определением, простой возрастной группой и поколением как действительностью, подчеркивающей значение коллективного, социального и политического опыта возрастной группы. Формы, которые отличают эти группы, - это взгляды, которые в изменяющемся обществе могут приводить к различиям и конфликтам между людьми в различных возрастных группах. Подгруппы внутри поколения также воспринимают мир в зависимости от общественного класса, пола, места проживания, используется идея

поколения как единица измерения, учета разнообразия внутри возрастных групп, эта идея помогает избежать стереотипов об отдельных поколениях и возрастных группах как имеющих общее мировоззрение.

Согласно классической теоретической точке зрения К.Мангейма, периоды крупных социальных потрясений оказывают столь радикальное воздействие на все группы населения, что возрастные, различия поколений отходят на второй план, общество *спрессовывается* под давлением социальных перемен, отличия возрастных групп минимизируются. Можно предположить, что утрированное противопоставление *старших* и *младших* как неких однозначных ценностей будет уступать место более простым и безобидным формам.

Власть жизненного пути

Проблема времени в социологии находит своё конкретное и эмпирическое разрешение в изучении *жизненного пути* человека. Эта область исследования за последние 30 лет превратилась в одну из ведущих парадигм междисциплинарного социального знания в рамках которой анализ социального времени обретает надёжную перспективу. Общей основой данного направления выступила широко распространённая традиция изучения и написания биографий, а также ряд исследовательских программ в психологии, социологии и социальной работы. Можно упомянуть в этой связи некоторых авторов подобного рода работ.

Во-первых, это Ш.Бюлер, которая комплексно исследовала проблему жизненного пути личности в биографическом масштабе. По её мнению, в основе человеческой природы лежит намерение (интенция), которая проявляется в совершаемых на протяжении жизни выборах для достижения целей, причём последние могут и не осознаваться. С высоты осознания всего жизненного пути личность оценивает историческую необратимость времени, его уникальность, материализацию в культуре и воздействие на становление новых творческих форм деятельности. Выделяются пять главных фаз жизненного цикла с характерными для них временными (возрастными) интервалами и жизненным содержанием.

Другое направление в исследованиях жизненного пути связано с психосоциальным подходом, в частности, с использованием понятия жизненных кризисов. В качестве образцового примера здесь можно назвать теорию Эрика Эриксона, который выделяет восемь главных жизненных кризисов, специфичных для каждого возраста и связанных с определёнными проблемами.

В-третьих, существовала распространённая традиция использования биографического метода в социологии, например, работы У. Хили, Э. Крейгера или знаменитое исследование У. Томаса и Ф. Знанецкого "Польский крестьянин в Европе и Америке" (1919), а также некоторые подходы Чикагской школы, связанные с изучением "закрытых" социальных групп.

Если взять более поздний период, то в основание парадигмы жизненного пути легла давно известная традиция межпоколенного изучения "социальных связей и родства" и более современное направление мысли, связанное с анализом возраста. Кроме того, появлению парадигмы жизненного пути способствовал кризис традиционного понятия социализации как исследовательской процедуры и множества теорий, а также значительное усиление интереса в общей социологической теории к социальным изменениям. Появлению традиции анализа человеческой жизни как темпорального конструкта способствовало и то, что мы осознаём сейчас личность и её социальное предназначение в контексте изменяющегося общества, в котором человек должен выступать *сотворцом* как собственной жизни, так и социальной реальности.

Драматические изменения в обществе и истории за последний период совпали с аналогичными процессами в построении и развитии человеческой жизни и индивидуальной судьбы. Естественно, что это должно было найти своё отражение в научном сознании. Как раз изучение жизненного пути представляет такую возможность, так как изменение является основополагающим концептом данной парадигмы, вводит в теорию и анализ время и процесс. Всё большее включение этих понятий в методы и концепции жизненного пути демонстрирует эволюцию новой парадигмы.

Изучение биографии, истории и проблем их пересечения в социальной структуре является ориентирующим концептом для наук о поведении. Но данная концепция не нашла основательного отражения в учебной литературе, не появилась в социологических теориях образовательных программ, изучение жизненного пути часто ведётся или обосновывается в рамках уже ставших классическими социологических и психологических парадигм и теорий. Кроме того, анализ жизненного пути в качестве метода исследования применяется в различных дисциплинах, например, в социальной истории, геронтологии, социальной работе.

Поэтому существует некоторая неопределённость в статусе понимания жизненного пути, то ли в качестве парадигмы или теории, то ли в качестве метода, отдельного понятия. Обзор современного положения дел в области исследований жизненного пути может прояснить ситуацию в этом вопросе.

Жизненный путь как понятие социального знания привнёс большие изменения в наши представления и в практику изучения человеческой жизни. Мы перестали воспринимать последнюю только как абстрактно-философскую категорию и получили возможность понимать её в конкретно-индивидуальном и типологическом плане. Концепция жизненного пути позволяет также синтезировать разные уровни анализа социальной реальности, начиная от макроподхода к возрастной стратификации, культурных и межпоколенных моделей и кончая психологией развития. Это позволяет описывать социальные механизмы образования жизненного пути и его развивающихся структур.

Кроме того, жизненный путь предстаёт как мультикуровневый

феномен, который конструируется на институциональном, организационном и индивидуальном уровнях траектории жизни. Многие исследователи не ограничиваются какой-либо одной сферой, а изучают изменения на разных уровнях в их пересечении, например, между историческими событиями и жизненным опытом. Традиционными также являются исследования внутривозрастного взаимодействия основных жизненных траекторий, таких как карьера, семейная жизнь, образование, и переходных периодов.

Кроме того, интерес вызывает анализ механизмов взаимовлияния социальной траектории и траектории внутреннего развития. В последнее время меньше внимания уделяется анализу отдельных жизненных линий, но большее число исследователей интересуются взрывной динамикой множества взаимозависимых линий ролевого поведения. Растущее осознание взаимосвязи человеческих жизней и их исторического времени происходит на разных уровнях, вычленяющих динамические черты жизненного пути. Течение и конечность времени, взаимосвязь совместных жизней и человеческий выбор являются ключевыми механизмами, посредством которых окружающие изменения и линии ролевого поведения влияют на курс и субстанцию человеческих жизней.

В качестве основных тем исследований в рамках парадигмы жизненного пути можно выделить следующие: взаимодействие человеческой жизни и исторического времени; время жизни; совместная жизнь; человеческий фактор процесса жизненного и исторического выбора; измерение возраста и возрастных норм жизненных событий. Быстро изменяющимся обществе даже различия во времени рождения индивидуализируют отличия исторических миров с их ограничениями и возможностями для человека, живущего в них. Жизненный путь индивида может отражать эти отличия времен. В данном случае понятие *времени* можно соотнести с традицией понимания античных эонов или с хорошими и плохими временами в обыденном сознании.

Социологическая трактовка времён более конкретна. Например, историческое влияние на жизненный путь может формировать эффект когорт, который определяет успех или неудачу (ту или иную вероятность событий жизни и состояний) в определённых сферах жизни. В демографии это явление известно как эхо войны, что влияет, например, на возможность выбора партнера на брачном рынке или доступность образования из-за неравной численности когорт по половому признаку.

Год рождения и когортное членство в каком-то смысле овецивают исторические изменения и время. В более широком плане исторический контекст жизненного пути связан с эффектом поколений, взятых с точки зрения системообразующих факторов. В этом понятии репрезентируется историческое, социальное время, в котором осуществляется жизненный путь индивида в его индивидуально-типическом смысле.

Возможна взаимная стратификация жизненного курса субъекта и его временного мира, которая способна обнаружить структурные признаки,

определяющие временные формы и событийные узлы жизненного пути людей. В разбираемой парадигме значительное место отводится изучению времени жизни, выражаемое в социальных значениях возраста, который является временной, возрастно-градуированной перспективой социальных ролей и событий. Социальная временность *реферрирует* случаи, длительность и последовательность ролей, и соотносится с ожиданиями, то есть ожиданиями и установками, основанными на возрасте. Так, брак может быть относительно ранним или поздним по отношению к демографическим и возрастным нормам.

Так же можно рассматривать рождение детей. Некоторые события могут своевременными или несвоевременными по отношению к возрастным нормам и даже вредными в перспективе последующих событий, как, например, деторождение у подростков. В контексте социального времени рассматривается также проблема расписания и траектории жизни в их синхронности или асинхронности. Несоответствие между социальным и биологическим временем часто имеет место в ранние периоды развития. Различия в степени физической зрелости определяют раннее или позднее взросление в рамках возрастной группы. Понимание подобных различий существенно для теорий, которые рассматривают развитие как результат взаимодействия между изменениями организма и изменением окружения. Расписание событий жизненного пути и ролей может много сказать о благополучии и здоровье в контексте профессиональной карьеры и жизни в целом. Жизненный опыт молодых людей, начавших службу в период второй мировой войны, показывает типичные проблемы в этой области.

Данный подход настаивает на обязательном учёте взаимосвязи жизненных стадий и социальных изменений с точки зрения положения человека в структуре жизненного пути. Центральным принципом изучения жизненного пути является понимание взаимозависимости человеческих жизней. Жизнь человека укоренена в социальных взаимосвязях с человеческим родом, семьей, друзьями в рамках своей продолжительности. Социальная регуляция и поддержка осуществляется через эти связи и их процессуальность выражена в жизненном цикле социализации, отношениях обмена, последовательности поколений. Проблемы личности, ошибки и достижения становятся достоянием поколения. Дети нередко реализуют сценарии жизни своих родителей, а жизненный опыт общих событий делает похожими нас друг на друга. Каждое поколение во многом повторяет жизненные события других поколений. В целом, "совместная жизнь" означает взаимодействие социальных миров индивидов с семьей, друзьями и коллегами, и социальные изменения становятся их достоянием через такие миры.

Концепция деятеля и человеческого выбора постоянно использовалась в процессе изучения историй жизни, например, в работе Томаса и Знанецкого. Люди планируют и делают свой выбор, используя возможности, которые определяют их жизненный путь. Индивидуальные различия в их

взаимодействии с изменениями в окружении продуцируют последующее поведение. В свою очередь, складывающиеся объективированные структуры институционализируются и определяют шансы индивида на осуществление решений и стратегий. Внимание к процессуальным аспектам взаимодействия структур и агентов является важным фактором понимания развития жизненного пути и возрастной структуры. В целом существуют два направления исследований: анализ развития индивида и изучение структур жизненного пути. В последнее время становится актуальным их синтез.

Психология развития и теория выбора активно взаимодействуют с социологией и социальной психологией жизненного цикла. К такому синтезу стремятся подходы, связанные с анализом совместной жизни, времени жизни и жизненного расписания, а также взаимодействием поколенческой и возрастной моделей жизненного пути.

В рамках этого взаимодействия чрезвычайно важным представляется направление исследований жизненного пути, связанных с измерением возраста и анализом возрастных норм и ожиданий жизненных событий, начало которому было положено работами Бернис Ньюгартен и её коллегами. Теоретический и методологический синтез в парадигме жизненного пути в конечном итоге зависит от успешной разработки методов и подходов к измерению различных аспектов возраста возрастного развития, что составляет инструментально-аналитическую базу исследований в этой области. Концепция нормативного расписания жизни вводит возрастную модель в поколенческий контекст, а жизненно-событийный анализ предусматривает возможность как стадияльной, так и процессуальной интерпретации жизненного пути в контексте социальных изменений.

В качестве примера исследовательской программы, которая может способствовать решению указанных теоретических задач, можно назвать проблему изучения темпоральной структуры биографической мобильности, что в традиционном плане обозначает анализ временной структуры жизненного пути, но в аспекте продолжительности и последовательности направленных изменений биографического поля. Новая терминология позволяет несколько уточнить задачу, так как понятие "временная структура" больше подходит для обозначения внутренней организации психики и личности, нежели чем для выражения нормативной природы специализированных структур жизненного пути.

Термин *биографическая мобильность* также вскрывает не только канву жизненного пути, но и его результат, механизмы и факторы его определяющие, позволяет рассмотреть биографию изнутри и снаружи, понять её в сослагательном наклонении. Кроме того, жизненное движение предполагает направленность, аспект будущего и настоящего, а не только прошлого, как в традиционных биографических исследованиях. Именно к такому пониманию пришла западная социология после бума биографических изысканий в 20-х - 30-х годах, когда структура внешних событий изучалась нередко отдельно от психологической истории личности. Сейчас наиболее

широкую известность приобрели исследования именно "биографической мобильности" в рамках социологии жизненного пути. Такое соединение традиций биографического метода и исследований социальной мобильности даёт оптимальный результат, так как экзистенциально-личностный, временной горизонт бытия рассматривается в единстве овеществлённо-специализированных форм институционального порядка индивидуальной и коллективной жизни.

В указанном случае отправной точкой исследования жизненного пути является анализ внутреннего строения человеческого бытия с точки зрения времени и в единстве психических, личностных и социальных компонентов, понятых в контексте темпоральности. Отсюда возможен выход на проблему типологии личностных и биографических хронотопов, анализ хроноструктуры социума и процесса институционализации времени, понимаемых сквозь призму социального порядка. Открывается перспектива рассмотреть стартовые возможности в структуре жизненного цикла, что, в свою очередь, предусматривает решение задач социальной работы: управления временем жизни и оптимизации жизненного пути человека.

Здесь могут быть затронуты и такие традиционные проблемы социологии как проблема неравенства и конфликтов. Но главной задачей остаётся разработка теории социального времени, средств его измерения и определение возможностей хроносоциологии в качестве специального направления социологических исследований и практики социальной работы. Социальная работа представляет собой практическое воплощение социологии времени и концепции жизненного пути в методах социальной защиты и человеческого развития. Она непосредственно ориентирована на личностные и социальные изменения, а потому однозначно нуждается в обращении к социологическим представлениям о времени и жизни. Это приближается к стадии развития человеческого общества, когда оно упорядочивало себя и человеческую жизнь через систему возрастных классов и категорий, выступая целостным и естественным субъектом социальной работы. Современное общество основано на принципах индивидуализма и рационализации, требует иных подходов, в частности, к концепции жизненного пути как основанию социальной работы.

Представляет интерес для человека в теории жизненного пути судьба, взятая в родовом и индивидуальном контексте. Все остальные проблемы являются производными от этой главной. Социально-психологический анализ долгое время ориентировался на атемпоральный, пространственный язык, социальные процессы не имели собственного временного измерения, рассматривались на фоне физического времени. Изучение отдельных фаз жизни, состояний, факторов дали статичную и обобщённую картину. В зарубежной науке, после бума биографических подходов в 20-30-х годах наступил спад, но с 50-х происходит интенсивный синтез биографического подхода с исследованиями времени и жизненной перспективы, с социологией жизненного цикла.

Особенно продуктивным этот синтез становится, когда включает в себя исследования социальной мобильности, возникает термин *биографическая мобильность*, который описывает качественно и количественно различные аспекты движения человека (в индивидуальном и групповом виде) в разнообразных плоскостях и направлениях социального пространства-времени. Описательные модели жизненного пути эволюционируют в объяснительные, он становится ведущей парадигмой изучения жизненного пути в социологии, засасывая в себя как в воронку аналогичную проблематику смежных наук: биология, демография, история, психология, экономика, этнология.

В конце 60-х возникает новое научное направление в области изучения жизненного пути, в социологии парадигма жизненного пути начинает конкурировать с традиционными парадигмами.

Отказавшись от устаревших концепций социализации, парадигма жизненного пути приобрела междисциплинарный характер, границы своей проблематики и соответствующие методы. Но, несмотря на успехи, ни в одной теории, по замечанию Смелзера, не представлена целостная картина старения в жизни человека, имея в виду не только фазу пожилого возраста, но и жизнь человека в целом. Парадигма жизненного пути предполагает понимание времени как социальной категории, а распространённый вопрос *который час* предполагает не только обычный ответ в терминах часов и других отрезков времени, но связывает с социальной реальностью процессами нашей жизни. Структура ее задана культурой, обществом, в котором мы живем, и представляет совокупность рутинных и уникальных событий, ситуаций, обладающих собственной темпоральностью.

Жизненный путь как понятие социального знания привнес большие изменения в наши представления и в практику изучения человеческой жизни. Мы перестали воспринимать последнюю только как абстрактно-философскую категорию и получили возможность понимать её в конкретно-индивидуальном и типологическом плане. Концепция жизненного пути позволяет также синтезировать разные уровни анализа социальной реальности, начиная от макроподхода к возрастной стратификации, культурных и межпоколенных моделей и кончая психологией развития. Это позволяет описывать социальные механизмы образования жизненного пути и его развивающихся структур.

Кроме того, жизненный путь предстаёт как мультиуровневый феномен, который конструируется на институциональном, организационном и индивидуальном уровнях траектории жизни. Многие исследователи не ограничиваются какой-либо одной сферой, а изучают изменения на разных уровнях в их пересечении, например, между историческими событиями и жизненным опытом. Традиционными также являются исследования внутривозрастного взаимодействия основных жизненных траекторий, таких, как карьера, семейная жизнь, образование, и переходных периодов. В последнее время меньше внимания уделяется анализу отдельных жизненных

линий, но большее число исследователей интересуются взрывной динамикой множества взаимозависимых линий ролевого поведения.

Центральным принципом изучения жизненного пути является понимание взаимозависимости человеческих жизней. Жизнь человека укоренена в социальных взаимосвязях с человеческим родом, семьей, друзьями в рамках своей продолжительности.

Художественное время

Недостаточно для понимания социального пространства и времени прошлых, настоящих будущих культур одной лишь научной составляющей, даже если предположить, что эта культура времени уже достигла синтеза гуманитарных, естественнонаучных и философских идей. Для социологической концептуализации этих категорий, полного раскрытия социального хронотопа необходимо апеллировать и к эстетическому наслаждению, эмоциональному переживанию и художественной выразительности.

При наличии больших различий между работой живописца, поэта, музыканта и ученого-исследователя известны общие социокультурные черты их творческой деятельности, общие функции объяснения, реконструкции, оценки, прогноза, выражаемые специфическими средствами. На общность социального познания и гносеологических приемов, способствующих воссозданию целостной картины реальности, указывает прием инверсии времени, существующий не только как формализм теоретической физики и предельно обобщенной структуре научного предвидения, но и в качестве художественной инверсии.

В целостной ткани духовной культуры общества тесно взаимодействуют языки социологии, философии и естествознания с языком искусства. Подобно тому, как мировосприятие исторически предшествует формированию мировоззрения, научно-теоретическое и философское освоение и осознание времени в широком спектре идей, концепций и представлений “дополняется” его художественно-эстетическим освоением, а также предшествующим историко-генетическими другими формами темпорального описания мира. Впрочем, художественная интерпретация, как и мировоззренческое раскрытие идеи времени, зависит от позиции исследования в решении проблем социальной реальности, имплицитно включенной в систему культуры. Как сказал поэт:

Время — кожа, а не платье, глубока его печать.

Словно с пальцев отпечатки с нас — его черты и складки,
приглядевшись, можно взять. (*А.Кушнер*)

Художественное время как социальная форма времени влияет на синтез современных представлений о времени, испытывая серьезное воздействие научного и общественно-исторического знания. Художник вносит свою лепту в понимание сущности времени как универсальной категории бытия и феномена культуры, соотношения объективного исторического и субъективного времени, его активной нравственной функции.

Художественное время воплощает в художественном образе определенный идеал и приобретает особое значение и как тема, и как принцип конструкции произведения, и как категория, вне которой невозможно воплощение художественного замысла.

Время как субъект художественного творчества подразделяется на психологическое время художника как творца, автора произведения, и на физико-биологическое время его как человека, индивида с конечным существованием: от ухода на позиции индивидуализации или, наоборот, проникновения в глубинные пласты социального времени зависит физическое и психологическое время художника. Им, в свою очередь, создается художественное время, детерминируемое творческим замыслом, художественным методом, эстетическим идеалом. Вопрос по сравнению с категорией пространства настолько мощно разработан, что можно говорить о том, что существует типология художественного времени.

В 1929 году Литературная энциклопедия фиксировала разработанность вопроса о роли понятия времени в изучении произведений литературы, это первое употребление понятия художественного времени в нормативных системах знания. Время — основная и непрерывная предпосылка сюжетного развертывания. Повествование всегда расположено во времени, развивается по законам внешней хронологической последовательности и внутренней (каузальной) обусловленности настоящего и будущего — прошлым.

Отмечается важная роль времени в организации поэтической структуры, его влияние на тематику произведения, временной колорит. Описываются различные приемы временной техники: временные даты, повторы, ускорения, ритмические эффекты. Указывается на связь временной техники с бытом и сознанием творящей данный стиль классовой группы. Временные характеристики произведения однозначно увязываются с укладом и психологией классовых групп, историческими особенностями эпохи. Так, отсутствие быстрых и энергичных темпов у А. Н. Островского определено их отсутствием в быту купечества. Временные приемы различны, ибо бытие групп, питающих стиль, различно — различны их психологическая направленность и устремленность.

Краткая Литературная Энциклопедия (1978) дает определение художественного времени и пространства, понимая их, как “важнейшие характеристики художественного образа, организующие композицию произведения и обеспечивающих его восприятие как целостной, и само-бытной художественной действительности”. Художественный образ во всех искусствах наделен временным и пространственным бытием, схватываемым единым синтетическим актом восприятия, он пространственен, последовательно развертываясь от одной фазы к другой, реализуется как протекающий во времени процесс. Различаются типы временной приуроченности, ориентации в коллективном, или историческом счете времени, в архаической, устной и ранней словесности. Рассматриваются сакральное время, время сказки, время в лирике, эпосе, драматургии.

Особенности выражения времени в литературе связываются с особенностями архаического и раннее средневекового сознания. Описана временная техника литературных стилей и жанров в процессе исторического развития, разбирается борьба различных тенденций в изображении реальности в современной литературе: реалистический и эмблематичный план реальности, обращение к памяти, роман потока сознания. Главными вопросами в проблеме художественного времени оказываются вопросы его типологии и атрибутивности. Перспективной оказалась идея М. М. Бахтина о связи временных и пространственных отношений, названной им хронотопом по аналогии с релятивистским пространством-временем.

В литературном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп. Взаимосвязь пространственно-временных форм характерна не только для литературы, но и, например, живописи, поэтому и рассматривают время наряду с пространством как атрибут искусства с первобытных времен до наших дней.

Время художественного произведения — это явление самой художественной ткани литературного произведения, подчиняющее своим художественным задачам и грамматическое время и философское его понимание писателем, это фактическое время произведения и объект изображения; время по воле автора может протекать медленно и быстро, последовательно и непоследовательно, непрерывно и прерывисто. Считать, что время недоступно наглядному изображению (как в живописи, так и в словесном искусстве), следовательно, оставаться в рамках традиционного понимания самой наглядности, хотя по-прежнему, конечно, задачей художника остается подчинить материал выражению времени, найти такой эквивалент, который позволил бы сделать изображаемое соизмеримым со временем человеческой жизни. Задача эта является неоднозначной и далеко не тривиальной. Художник должен передать время в диалектике с пространством, соотношение временного и изобразительного аспектов должно быть разнообразным в спектакле, романе, музыкальном произведении, живописи. Конечно, каждое из искусств выражает то меньше пространственности и больше темпоральности, то, напротив, с точки зрения самовыражения творца произведения, больше акцента на изображении времени эпохи.

Можно анализировать типологии художественного времени. Первая обусловлена культурно-историческим темпорализмом. Так, у Д. Лихачева на примере древнерусского искусства блестяще показаны следующие друг за другом структуры художественного времени, которые могут быть исследованы по культурным эпохам, с учетом соответствующих темпорализмов других сфер культуры.

Вторая типология связана с видами искусства, спецификой художественного времени, кино, литературы, изобразительного искусства, их сравнительного анализа. Третья типология может быть проведена по жанрам внутри вида искусства — скажем, в литературе интересен сравнительный анализ освоения времени разными авторами: господство настоящего времени у Толстого, направленность романа к будущему у Достоевского, закрытое от будущего настоящее у Хемингуэя.

Наконец, четвертая типология касается структур отдельно взятого целостного произведения искусства, анализ которого непременно должен содержать глубокое вскрытие всех временных срезов и всего многообразия художественного времени. Например, в романе З. Ленца художественное время сопоставимо не только с временем индивида, но и временем поколения, историческим временем. Специфично преломляется историческое время в 15-й симфонии Шостаковича посредством шокового цитирования мотивов Россини и Вагнера.

Категория социального времени явилась в истории искусства базисом развития эстетических положений независимо от школы, стиля, творческой индивидуальности. Отношение времени и реальности не однозначное, но зависит от типа культуры, исторической эпохи, принципов отражения реального времени в художественных формах. Так, в рамках первой типологии интересно проследить, в каких сочетаниях субъективного восприятия времени и время субъекта самого произведения накладываются на историческое время и время читателя. Причем необходимо различать два аспекта первой типологии: история различных типов художественного времени и приемы передачи художественным замыслом исторической эпохи, которые сами зависят от эстетических принципов этой эпохи. Понятно, что историческое время по-разному воплощается в художественных формах античности, нового времени, современной эпохи. Можно сказать, что художественное время никогда не отрывается от социального пространства, конкретной культурно-исторической почвы, контекста, деятельности и культуры, а всегда ими заполнено. Поэтому все типологии должны сочетаться с исследованием социального пространства и времени как атрибутивных характеристик художественного процесса.

Время становится особой категорией авторского замысла, важнейшим моментом художественного анализа и необходимой рамой художественного образа. Естественно, что каждое направление в искусстве по-своему выражает и свое отношение ко времени. Натуралисты, к примеру, редуцируют, упрощают феномены ментального плана, отождествляют непосредственное наблюдение с реальным временем, тогда как модернистская литература изымает героя из движения истории и потока времени. Сознанию и психологии такого героя свойственна атемпоральность. Лишь в реализме художественное время выступает как необходимое условие развертывания событий, как принцип организации всего произведения, а, с другой стороны, является идеальной формой воплощения особенностей конкретно-

исторических общественных отношений исторического времени и формаций сознания, типа деятельности. Вместе с тем реалистическая позиция художника не исключает, а предполагает инверсию времени, изменения в его темпе, гротескные формы передачи, динамизм социальных процессов. Современный зритель, читатель скучает на излишне упрощенном и однозначном в хронологическом отношении развертывании сюжета. Действительность в век виртуальности и космических технологий требует все новых форм и методов ее отображения в структуре художественного времени.

Время может быть замкнуто в себе, то есть быть внутренним порядком событий, либо протекать в связи с историческим временем, может изображать прошлое, настоящее и будущее в различных сочетаниях. Художественное время использует все многообразие форм субъективного восприятия времени (потоки сознания) и делает это субъективное восприятие времени одной из форм изображения действительности. В произведении может быть одновременно и объективное время сюжета и субъективное авторское время (а при введении образа рассказчика—время рассказчика), на это время может накладываться время читателя. Эта разновидность суперпозиции форм времени реализуется как соотнесенность событий, слияние одной или нескольких сюжетных линий в едином временном потоке. Автор может сам становиться участником событий, а может отстраняться от них и как бы не управлять ходом сюжета и субъективным временем героев. Современного читателя или зрителя мало привлекает спокойное повествование, его увлекают петли и инверсии времени, перемена темпа, отставание или забегание вперед.

Передача направленности объективного времени дополняется художественной инверсией. Термин введен М. М. Бахтиным. Сущность такой инверсии сводится к тому, что здесь изображается как бывшее уже в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем. За счет будущего обогащалось настоящее и в особенности прошлое. Чтобы наделить реальностью тот или иной идеал, его мыслят как уже бывший однажды когда-то в Золотом веке или мыслят его существующим в настоящем где-то за тридевять земель, если не на земле, то под землей, если не под землей, то на небе.

Сознательно нарушенная последовательность в изложении способствует созданию особого времени, переживаемого героем, время словно теряет необратимость течения. Перечисление временных планов как бы усиливает впечатление быстротечности времени, временная инверсия дает возможность вывести настоящее из прошлого, предугадать будущее. В результате писавший и читатель, разделенные веками, переживают счастье единения на старом пергаменте.

Блестяще владеет приемом художественной инверсии Борис Акунин. Его пещеры, красный петух, библейские реминисценции, недосказанность судьбы героини, да и встречи героев различных культур в серии о Фандорине

говорят о тонком прочтении времени и пространства автором культурно-исторических детективов. Совершенно блестящим темпоралистом выступает Харуки Мураками в знаменитой трилогии о Крысе. По-видимому, инверсия времени реализуется и в живописи — от иконописи и древневосточных миниатюр до вертикальных приемов построения временных планов Босха, Дюрера, Рубенса. Настоящее может вступить в коллизию с прошлым, тесно с ним переплетаться, время инверсирует, становится независимее от автора, за ним не угнаться. В античной биографии время необратимо в отношении событий жизни, но обратимо в отношении характера: черты характера не привязаны к хронологии, их проявления переместимы во времени.

Благодаря исторической инверсии мифологическое и художественное сознание локализует цель, идеал, справедливость, гармоническое состояние человека и общества в целом в прошлом времени. Мифы о рае, Золотом веке (героическом веке), Древней правде, более позднее представление о естественном состоянии, о естественных прирожденных правах являются выражением исторической инверсии. Эта инверсия, характерная для эстетического сознания, развивала представления о модусах времени—будущем, настоящем и прошлом, хотя поначалу гипертрофировалось именно прошлое.

Сюжетное время можно только условно назвать объективным, так как оно является отражением действительности, но на сюжетное время накладывается авторское с его субъективными или ограниченными временными представлениями, поэтому сюжетное время зависит от художественного замысла или мировосприятия автора. Наряду со своим существованием во времени произведение искусства обладает еще и вневременным бытием: в любом обобщении уже существует момент *снятия* времени, некая *атемпоральность* (вневременность), ведь индивидуальные интересы отражаются в литературных портретах, к примеру, совсем не случайно: идеал поведения порождается не индивидуальными вкусами, а в конечном счете культурно-историческими стандартами. Ведь подобно тому, как в культурно-историческом развитии эволюционирует передача пространства от египетских фресок и перспективной живописи Возрождения, а от нее к “Невскому проспекту” Гоголя, развивается способность искусства формировать художественное время.

Постепенно осознается связь субъективного и исторического времени, чувство времени связано с чувством истории — у одного художника меньше, у другого больше. В художественном исследовании мучительных вопросов человеческого противостояния ударам времени, конфликта личного и исторического времени, то есть исследований реакции человека на аргумент времени, уникальное место принадлежит Шекспиру. Время оценивается им как коварное, враждебное, смехотворное; достаточно обратиться к сонетам, чтобы увидеть, в каком почете у гениального писателя феномен времени, как он выражает идею времени своей эпохи. Мирообъемлющий разум художника-мыслителя переосмысливает живое сопряжение времени

личности с социально-историческим временем, зорко подмечает сложнейшие временные коллизии, неизменных спутников противоестественных действий. Венценосцы не в состоянии услышать время, ответить на его запросы; их действия чреватые исторической несостоятельностью. Художественное время и его взаимодействие с историческим становятся важнейшей детерминацией прогностичности искусства, слова Гамлета *век вывихнут, век расшатался, распалась связь времен* предостерегали от разрыва с гуманной исторической перспективой. Освоение социального времени, наполнение его творческим зарядом и активной жизненной позицией способствует пониманию ценности не только художественного времени, в рамках которого это ярко демонстрировалось, но и времени объективного (природного и социального), а также времени субъективно-личностного бытия. По Д.Лихачеву художественное время может быть *закрытым*, замкнутым, совершающимся только в пределах сюжета, не связанным с событиями исторического времени, и *открытым*, включенным в широкий поток времени, историческую эпоху, и можно констатировать возрастание ценности художественного времени для человека с увеличением его открытости.

С повышением роли отдельного субъекта в историческом движении ярче выявляется связь между человеческой деятельностью и временем, и время приобретает статус ценностной категории, становясь полноправной категорией этического сознания. В свою очередь нравственная оценка времени становится важнейшим фактором человеческой активности и культуры, она присутствует в художественном времени. Высокая нравственная оценка может иметь место в художественном времени замкнутого типа, к примеру в замкнутом времени сказки. Для художественного времени важны наполнение социальным, культурно-историческим содержанием и внутренняя активность, освоение этого времени субъектом, выбор в иерархии наиболее подлинного бытия.

Активность субъективного времени по-новому была осмыслена критическим реализмом (герой вышел из безвольного подчинения затхлому быту и условностям человеческих отношений), хотя вряд ли эта активность могла быть осмыслена уподоблением движения художественного времени движению времени реального, как иногда полагают. Когда повествование идет ходом, полностью совпадающим с порядком объективных событий, автор художественного произведения не свободен оглянуться, осознать и сопоставить ценность прошлого и настоящего персонажей (сегодня такой взгляд не устраивает ни художника, ни ученого). Авторы отмечают перемещение временных систем в “Смерти Ивана Ильича” и “Подростке”. Именно с Достоевского начинается в русской литературе оперирование художественным временем в связи с потоками сознания и соприкосновения художественных временных планов с реальностью.

Художественное время не может и не должно быть лишь подобием реального времени, это эстетически освоенное время. Художественное время внутри отдельного произведения подчиняет себе и субъективное время героя, и

объективное время сюжета — бытовое, историческое, хронологическое, биографическое. Если абстрактное мышление может конструировать категории социального пространства и времени в их отдельности и отвлекаться от их эмоционально-ценностной стороны (особенно это касается понятий времени для отдельных частей социальной реальности), то живое художественное созерцание ничего не разделяет, оно схватывает *хронотоп* в его цельности и полноте. Однако на уровне специального анализа проблемы можно выделить структуры художественного времени, которыми пронизаны произведения искусства в самых различных ипостасях, разных степеней рефлексии и полноты.

У Достоевского, к примеру, имеется переплетение времени, а у Толстого основа художественного времени — биографическая, хотя есть и хронотоп природы, семейно - хронологический и даже хронотоп трудовой идиллии. Под влиянием развития научного понимания времени в рамках культуры меняется и художественное время, оно становится свободнее жестко детерминированного времени природы, *эмансипируется* от автора. Достоевский, по выражению Лихачева, эмансипирует время, как эмансипирует героев своих романов.

Время становится независимее от автора, за ним не угнаться. Настоящее может вступить в коллизию с прошлым, тесно с ним переплетаться. Автор не всегда может предусмотреть темп субъективного времени своего героя, будущее персонажей не всегда полностью прозрачно для автора. Благодаря свободе обращения со временем достигается особый эмоциональный эффект (вспомним фильмы А.Тарковского, особенно “Зеркало”).

Наряду с существованием во времени, произведение искусства обладает еще и вневременным бытием: в любом обобщении уже существует момент снятия времени, некая атемпоральность (вневременность), ведь индивидуальные интересы отражаются в литературных портретах как бы случайно: идеал поведения порождается не индивидуальными вкусами, а культурно-историческими стандартами.

Одно из главных различий, например, в восприятии времени в эпоху средних веков и в первобытном обществе состоит в противоположности циклизма архаического сознания и линейности времени в официальном сознании христианства, но вместе с тем и в их дополнительности. Реминисценции к художественному слиянию библейского времени со временем жизни индивида и его смертью показывают неустранимое противоречие, разлад между объективным и субъективным временем, между вечностью и конечностью.

Разлад с объективным временем возможен лишь там, где эстетический индивид и художник находятся в состоянии антагонизма, а не дополнительности. Именно в этом случае отрицание связи исторического времени и морали приводит к аморальному времени и атемпоральной вневременной морали. Герой вынужден искать прибежище в сказочном, нереальном безвременье. В романе Г. Гессе “Степной волк” саксофонист

Пабло внушает герою желание пойти и другую, более высокую и более подобающую ему действительность, в мир без времени. Это способ выражения недоверия к цивилизации, которую он стремится отразить критически.

Демонстрируется, остро звучит связь этического сознания и исторического времени в романе М. Шульца “Мы не пыль на ветру”, романе З. Ленца “Урок немецкого”. Логика времени выступает здесь следствием накопившихся *социальных изменений* и формаций сознания, жизнь в мире времени оказывается выбором целевых установок и этических ценностей. Время может быть замкнуто в себе, то есть быть внутренним порядком событий, либо протекать в связи с историческим временем, может изображать прошлое, настоящее и будущее в различных сочетаниях.

Художественное время непременно концептуально, обусловлено спецификой жанра, мировоззренческой позицией автора и его художественным методом. Естественно, что каждое направление в искусстве по-своему выражает время. Натуралисты редуцируют, упрощают феномены ментального плана, отождествляют непосредственное наблюдение с реальным временем, тогда это лежит в различных плоскостях знания, что обуславливает их нетождественность, несинонимичность, без особого разграничения этих уровней. Поэтому здесь весьма полезен лингвистический анализ.

Биографическое время

Важная форма темпоральности - *биографическое время* - основано на необратимых процессах жизненного цикла, хотя возраст образует лишь внешнюю канву биографии, а содержание конструируется обществом и человеком. Стадии физического развития трансформируются в социальные фазы персональной идентичности, являются биографическими статусами и связывают жизнь в единое целое. Особой чертой данных статусов выступает их внутренняя гетерохронность, физически зрелый человек может быть социально незрелым, а психологически и интеллектуально взрослый может занять подчинённую позицию ребенка.

Неравномерность социального, экономического, психологического и иных статусов ведёт к расщеплению биографического статуса, что составляет проблему для идентификации и социальной идентичности личности в современном обществе.

С данной проблемой нередко сталкиваются в социальной работе. Например, человек, потерявший работу, становится социально и экономически зависимым, хотя он давно перестал быть ребенком физически, но данная ситуация для него возможна, может потребоваться определённая помощь, чтобы он вышел из этого состояния. Если в биографии мы видим только анкетные данные, а время жизни отмечаем исключительно по паспортному возрасту, то мы не сможем оказать эффективную помощь не просто в смысле услуг, но реабилитации и развития клиента.

Синтез типов темпоральности человека осуществляется в биографическом времени, которое выступает в роли основного социального проекта современной жизни человека. В аспекте социальной работы можно выделить в социальном времени человека формы целостности, выступающие как возраст. Основными формами здесь являются биологический возраст, психологический, социальный и экономический. Различные статусы в биографическом времени человека, образованные событийными формами, отражаются в шкалах социального сравнения, показывая положение индивида в социальной хроноструктуре, определяющей жизненный путь.

Модель возрастной системы вполне способна стать основой комплексного описания жизненного пути в аспекте социального времени. Она будет обладать эвристическими возможностями при анализе стартовых позиций индивида, которые выступают факторами биографической мобильности. При помощи такой модели возможно построение типологии жизненного пути, сценариев биографической мобильности с количественно определёнными соотношениями. Описанная проблематика жизненного пути опирается не только на достижения зарубежной науки, но и на отечественную традицию в терминах событий, развитую Б.Ананьевым. Жизненная история связана с идеей С.Рубинштейна о субъекте жизни, с работами К.А.Абульхановой-Славской.

Современные исследования связаны с изучением социального времени в контексте институциональных и социокультурных традиций, важными становятся проблемы поколений, ценности времени на разных фазах жизненного пути. Приоритетом среди методологических и обобщающих, синтезирующих и интегрирующих проектов выступает социологический подход, он задает границы и принципы социального времени.

Социальная регуляция и поддержка осуществляется через эти связи и их процессуальность выражена в жизненном цикле социализации, отношениях обмена, последовательности поколений. Проблемы личности, ошибки и достижения становятся достоянием поколения. Дети нередко реализуют сценарии жизни своих родителей, а жизненный опыт общих событий делает похожими нас друг на друга. Каждое поколение во многом повторяет жизненные события других поколений. В целом *совместная жизнь* означает взаимодействие социальных миров индивидов с семьей, друзьями, коллегами, и социальные изменения становятся их достоянием. Концепция деятеля и человеческого выбора постоянно использовалась в процессе изучения историй жизни, например, в упомянутой выше работе Томаса и Знанецкого. Люди планируют и делают свой выбор, используя возможности, которые определяют их жизненный путь. Индивидуальные различия в их взаимодействии с изменениями в окружении продуцируют последующее поведение. В свою очередь, складывающиеся объективированные структуры институционализируются и определяют шансы индивида на осуществление тех или иных решений и стратегий.

В качестве примера исследовательской программы, которая может способствовать решению указанных теоретических задач, можно назвать проблему изучения темпоральной структуры *биографической мобильности*, что в традиционном плане обозначает анализ временной структуры жизненного пути, но в аспекте продолжительности и последовательности направленных изменений биографического поля. Термин биографическая мобильность вскрывает не только канву жизненного пути, но и его результат, определяющие его механизмы и факторы, позволяет рассмотреть биографию изнутри и снаружи.

Кроме того, жизненное движение предполагает направленность, аспект будущего и настоящего, а не только прошлого, как в традиционных биографических исследованиях. Именно к такому пониманию пришла западная социология после бума биографических исследований в 20-х - 30-х годах, когда структура внешних событий изучалась нередко отдельно от истории личности. Широкую известность приобрели исследования биографической мобильности в рамках социологии жизненного пути. Такое соединение традиций биографического метода и исследований социальной мобильности даёт оптимальный результат, так как экзистенциально-личностный временной горизонт бытия рассматривается в единстве с форматом институтов, во взаимодействии культур индивидуальной и коллективной жизни.

Отсюда понятны пересечения типологий личностных и биографических хронотопов, временной структуры социума как процесса институционализации времени в контексте социального порядка. Открывается перспектива рассмотреть стартовые возможности в структуре жизненного цикла, что, в свою очередь, предусматривает решение задач социальной работы: управления временем жизни и оптимизации жизненного пути человека.

Здесь могут быть затронуты и такие традиционные проблемы социологии как проблема неравенства и конфликтов. Но главной задачей остаётся разработка теории социального времени, средств его измерения и определение возможностей хроносоциологии в качестве специального направления социологических исследований и практики социальной работы. В определенном смысле социальная работа представляет собой практическое воплощение социологии времени и концепции жизненного пути в методах социальной защиты и человеческого развития. Она непосредственно ориентирована на личностные и социальные изменения, нуждается в обращении к социологическим представлениям о времени и человеческой жизни.

Нынешняя ориентация практики социальной работы на группы риска или на человека, находящегося в ситуации временного затруднения, не совсем оправдана и не отвечает логике концепции жизненного пути, которая предусматривает сопровождение каждого человека со стороны различных социальных служб. Нечто подобное реализуется в развитых странах, но разрозненность теоретических подходов и технологий институциональных

практик ещё остается. Мы приближаемся к повторению стадии развития общества, когда оно упорядочивало себя и человеческую жизнь через систему возрастных классов и категорий, выступая целостным и естественным субъектом социальной поддержки. Но современное общество основано на принципах индивидуализма и рационализации, требует новых подходов к концепции жизненного пути как основанию социальной политики.

В отечественной социологии также дело ограничивалось изучением демографической и трудовой мобильности, жизненных планов молодежи, связанных с профессионально-образовательными ориентациями. В целом нельзя говорить о существовании парадигмы жизненного пути ни в социологии, ни в психологии, понимание данной категории только в рамках чисто биографического подхода значительно сужает её объяснительный потенциал по отношению к социальному знанию в целом. Жизненный путь составляет действительный предмет социологии, который в наибольшей степени представлен социологией и психологией времени и может быть реализован в практике социальной работы.

На этой основе возникает специфический термин - биографическая мобильность, который описывает качественно и количественно различные аспекты жизни человека в индивидуальном и групповом виде в разнообразных плоскостях и направлениях социального пространства и времени. В социологии парадигма жизненного пути начинает конкурировать с традиционными парадигмами, у неё большое будущее, это практическая социология, которая имеет главной задачей помощь человеку в реализации жизненного пути.

Концепция жизненного пути, сменившая биографический подход, утверждалась в течение последних 30-ти лет как исследовательская парадигма, связавшая изменения в человеческой жизни и изменения в обществе. Хорошо отработанные в измерительном плане исследования социальной мобильности были обогащены бихевиористической традицией анализа образа жизни и жизненного цикла, а также социально-психологическим изучением возраста. Этому немало способствовала феноменологическая социология в лице социологии повседневности, интерес к отдельным фазам жизни. Отказавшись от устаревших концепций социализации, парадигма жизненного пути приобрела междисциплинарный характер, границы своей проблематики и соответствующие методы.

Первичным материалом для конструирования человеческой темпоральности выступают рутинные ситуации. Одним из типов такого времени является интеракционное время. Если два или больше людей встречаются лицом к лицу, то мы можем наблюдать их взаимодействие, подчинённое определённой последовательности. Кроме наблюдаемых актов существуют также скрытые экспектации (ожидания), которые участвуют в создании структуры времени интеракции (взаимодействия), являющейся видимой и

интерсубъективной в отличие от интрасубъективной реальности экзистенциального (переживаемого внутри) Я-времени.

Отношения между людьми требуют согласования их действий в темпоральном аспекте, что выражается во временных последовательностях интеракций, начиная от повседневных ритуалов и кончая социальными институтами, такими как календарь или экономика, семья или досуг. Сам социальный порядок можно интерпретировать как темпоральную упорядоченность, напоминающую образ очереди в энтотометодологическом подходе к социальной реальности. Социальный порядок задаёт матрицы жизненного цикла, который реализуется в индивидуальном жизненном пути с тем или иным отклонением, определяемым уникальностью обстоятельств жизненной ситуации и свободной волей человеческой экзистенции. Живое, экзистенциальное время непосредственно доступно в переживании, воспоминаниях и мечтах.

Хронотоп самоидентификации

Идентификация представляет собой ключевой, в механизме социализации, процесс. Ее целостность, интегративность подчеркивается В. А. Ядовым, трактующим идентификацию как результат взаимодействия и категоризации. Логика процесса социализации будет описываться сменой ведущих тенденций, характерных для его стадий. Представляется рациональным не акцентироваться на выделении границ этих стадий или приписывании каждой из них определенных свойств, а трактовать их как гибкие, динамические образования, своего рода пакеты тенденций, набор матриц. Реальны именно тенденции, определяющие направленность процессов, определение границ детства, юности, молодости, зрелости очевидно различно в разных культурах, но и в рамках одной социокультурной общности для представителей отдельных субкультур, для отдельных личностей, эти этапы будут наступать в разном биологическом возрасте.

В междисциплинарной теории социализации изучение ранних стадий традиционно считается областью интересов соответствующих отраслей психологической и педагогической науки: дифференциальной, возрастной или детской психологии, дошкольной педагогики, психологической и педагогической коррекции. Складывающаяся в последние годы традиция социологического изучения этих проблем сосредотачивается, прежде всего, вокруг их аспектов, связанных со “взрослым миром”. Изучаются функции семьи, проблемы нетипичного ребенка, социальная работа в имеющей детей семье, деятельность детских дошкольных учреждений.

Изучение особенностей практик социализации имеет теоретическую и практическую ценность, важно знать особенности социализационных процессов применительно к России, отдельным социальным группам, категориям. Но эти особенности как таковые существуют только относительно генеральной модели, имеющей, наряду с психологическим и педагогическим, социологическое содержание. Социология ориентируется на

дифференцированный подход особенностями своего развития, поставленными практикой задачами, но, при этом, в каждом факте, явлении, процессе, должен быть выявлен общий социологический смысл.

Субъективно процесс взросления ощущается как сужение, а не расширение пространства физического. Раннее детство воспринимается как пора, когда “деревья были большими”; затем мир словно съезживается. Очевидна недостаточность чисто физиологического объяснения этого парадокса восприятия. Масштабность физического отношения индивида к миру меняется не в такой степени, чтобы правомерно было говорить об однозначной детерминации ею субъективного ощущения “уменьшения Вселенной”. Решающая роль здесь принадлежит социокультурным факторам. Именно «знакомость» мира обуславливает уменьшение его масштаба в субъективном восприятии.

Но освоение физического пространства предполагает, прежде всего, его структурирование. И на этапе доминирования предметно-деятельностного отношения к миру индивид не в состоянии освоить окружающее физическое пространство в смысле непосредственного оперирования с ним, хотя ребенок, действительно, пытается прикоснуться к каждой попадающей в поле его зрения вещи, попытаться найти ей практическое использование. В возрасте 2-4 лет им накапливается опыт манипулирования вещами, приводящий, постепенно, к выводу об их скрытой сущности: непосредственное применение, находимое вещам ребенком, как правило, оказывается неправильным, несоответствующим их природе и предназначению.

Вещный мир окультурен, поведение в нем должно подчиняться бесчисленным, слишком сложным для ребенка, правилам. Закономерно поэтому воспроизводство в филогенезе этапа онтогенеза человечества, связанного с доминированием мифологического, магического типа мировосприятия. Потребность ребенка верить сказкам извращается, когда “взрослый” мир пытается ее рационализировать, трактовать включенность в ребенка сказочный, иллюзорный мир, как определенную форму приобщения к взрослому миру через его символическое, знаковое прочтение.

Индивид, не обращаясь к поиску смыслов, подчиняется заданным стандартам, подвержен краткосрочному программированию. Эта версия типична для случаев отставания в развитии психических функций, низкой степени включенности индивида в социокультурные контексты эпохи, ситуаций насильственной интеграции личности в чуждую социальную среду. Вторая версия предполагает включение индивида в социальную жизнь посредством особого механизма, учитывающего глубину дифференциации общественных функций. Условием успешности таких поведенческих стратегий выступает углубляющаяся дифференциация социальных функций. Субъективное ощущение несвободы становится наиболее острым, но по сути только теперь индивид делает к свободе первый шаг. Должное, необходимое, желаемое дифференцируются, требования социума воспринимаются, именно

как требования, выполнение которых может ощущаться как подчинение индивидуального начала внешней воле, но становится теперь актом выбора, а не суггестивной подчиненности неразвитого сознания манипулированию. На этой стадии проявляется закон *структурной конгруэнтности индивидуального сознания социокультурной среде*. Личность интериоризирует не механический набор ценностей, а определенную систему взаимосвязей, организации пространства.

Среда организует личность не только, и не столько направленным, целевым воздействием, но, прежде всего, своею собственной организованностью в структуру. Ретроспективный анализ социальных процессов шестидесятих-восьмидесятих годов подтверждает вывод, формулировавшийся рядом западных исследователей, и, несмотря на идеологический контроль, читающийся во многих работах отечественных авторов этого периода, о неэффективности государственной системы воспитания с точки зрения критерия соответствия достигавшихся результатов поставленным целям.

Незапланированным следствием урбанизации, детерминированной условиями индустриализации, стало включение в систему общественных взаимодействий, на протяжении пятидесятих-шестидесятих годов, возрастных когорт, сформированных совершенно новыми условиями жизни, горожан во втором поколении, со своими запросами и шкалой социальных ожиданий.

Национальная государственность по-прежнему воспринимается в качестве одного из важнейших факторов индивидуального бытия. При этом, как и в предшествующую эпоху, государство рассматривается не как источник социальной поддержки, гарантий, а действующее, активное начало. От него ожидают создания некоего комплекса условий, позволяющих с минимальными затратами добиваться желаемых результатов. Это явление не может быть объяснено вне положений, касающихся истории идеологических процессов. Экспектации в отношении государства в нашем обществе ориентированы на *власть* патерналистского типа, и продолжают оставаться достаточно далекими от свойственных гражданскому обществу.

Тезис о линейности статуса, его детерминации протяженностью доступных индивиду, или полагаемых доступными, жизненных пространств, предъявляет некоторые требования к объяснению механизма социального изменения. Именно в этой области структуралистское понимание общества выглядит уязвимым, что служит основанием для выдвижения конфликтологических версий интерпретации механизмов социальных процессов, критики последовательно структуралистских воззрений.

Причины социального изменения следует искать не во взаимодействии интересов, мотиваций, ценностных ориентаций индивидов, а во внутренней логике детерминирующих природу социума информационных процессов. Негэнтропийные тенденции к упорядочиванию жизненного пространства проявляются, прежде всего, в его дефрагментации. Для юношей и девушек

постподросткового возраста *дефрагментация жизненного пространства* выступает очевидной и значимой тенденцией.

На протяжении длительного периода истории России выработка индивидуальных поведенческих стратегий жестко детерминировались глобальными процессами в макросреде. Молодое поколение конца девяностых годов, возможно, первое, механизм социализации которого приобретает радикально иную природу. Из этого должен исходить и прогноз перспектив его участия в судьбах страны. Необоснованны были бы ожидания от тех, кому сейчас меньше тридцати, политической активности, гражданских инициатив. Но конформизм молодежи не следует абсолютизировать. Она пассивна постольку, поскольку ощущает свой потенциал адаптивности достаточным в отношении существующей динамики жизненных условий.

Осмысление ситуации кризиса идентификации приводит к трем возможным толкованиям. Затруднения в принятии ролей могут означать неэффективность сложившихся механизмов ролевой адаптации, необходимость обновления системы ролей, наконец, устаревание самого понятия «роль». Первая возможность обычно представляется наиболее перспективной с точки зрения конструирования социальных технологий. По существу, однако, она репрезентирует лишь частный случай второй модели, поскольку рассогласование ролевых требований и ожиданий акторов свидетельствует об изменении наиболее подвижного элемента системы. Оно предполагает необходимость соответствующего изменения и более консервативного элемента. Эксперты и властные институты, планирующие и реализующие определенные наборы социальных технологий, включены в качестве подсистем в процесс обновления общества.

Частным случаем конструирования социальных технологий выступает государственное реформаторство, наиболее явно демонстрирующее включенность в общий процесс социального изменения: неадекватные тенденциям последнего реформации отбрасываются принимающим антагонистические формы обновлением. Индустриальное общество, приходя на смену традиционному, учреждает свою систему ролей; идентификация реализуется через принадлежность индивидов к более широким общностям: национально - государственным, макросредовым (в то время как традиционное общество замыкало ее микросредой).

Но отсюда не следует вывод о непреходящем характере новых форм идентификации. Напротив, изменение масштаба сравнительно-генетического анализа приводит к пониманию неправомерности ограничения сопоставлением индустриального и традиционного обществ. Микросредовая идентификация не изначальна; в примитивных обществах индивид идентифицирует себя с *другим*, как представителем общности, называемой просто «люди». Малочисленность каждой из таких групп не меняет смысловой природы ее восприятия не как первичной, включенной в социум, но исчерпывающей общности.

Таким образом, есть основания опираться на социологических концепции социальной стратификации, принадлежащие русской социально-философской традиции. Ф. М. Достоевский полагал, что от первичной коллективности человечество должно придти к христианскому единению через стадию цивилизации – мучительный процесс распада масс на личности. Вл. С. Соловьев указывал на естественные общности, расширяющие бытие личности: семью, нацию, государство.

Тенденции социального изменения, проявляясь, сталкиваются с противодействием инерционности сложившихся общественных форм. Эта инерционность, проявляемая лишь процессом обновления, внешне может восприниматься как самостоятельная тенденция. Коммуникативные субкультуры, продуцируемые властными отношениями в организациях, создают ритуальные практики, предлагающие модели адаптивной и темпоральной включенности. Синтез, осуществляемый традиционным обществом на уровне корпорации, индустриальным – общества как целого, представленного теми или иными социетальными сферами, теперь может реализоваться на уровне социального времени личности.

3.2 СТРАТИФИКАЦИЯ ПО ВРЕМЕНИ

Возрастная стратификация

Неравенство воспринимается многими как непреходящий факт всякого общества. Для описания системы неравенства между группами людей применяют понятие стратификация, от латинского *stratum* - покрывало, постель, в английском языке его стали понимать как пласт, формацию (в геологии), слой общества (в обществознании).

Стратификация подразумевает, что определенные социальные различия между людьми приобретают характер иерархического ранжирования. Одним из оснований стратификации служит возраст. Как и все живые существа, люди структурируются природой на возрастные группы, различающиеся степенью развития заложенных в них природных качеств.

По мере обращения исследователей к сравнительно-историческому анализу детства и других возрастов человеческой жизни открывалась общественно-историческая сущность возраста. В частности, было замечено, что возрастные понятия во многих языках первоначально обозначали не столько "календарные сроки", сколько общественное положение, социальный статус. Например, древнерусский "отрок" означало: "раб", "слуга", "работничек", "княжеский воин". Слово «старый» означало в древнерусском языке старший в роде, тот, который в случае необходимости становится первым.

Проблема взаимоотношений между поколениями заметно обострилась в XX веке, что нашло отражение в программе действий Организации Объединённых Наций и Всемирной Организации Здравоохранения. 1993 год был объявлен годом пожилых и солидарности между поколениями под девизом «По пути к обществу для людей всех возрастов». В России, где

проживает свыше 37,5 млн. пенсионеров, принята федеральная программа во исполнение Указа президента РФ от 13 июля 1996 года. «О Федеральной целевой программе «Старшее поколение» на 1997-1999 годы. 1994 год - объявлен годом семьи, а 1999 год - годом пожилого человека. И хотя сама по себе взаимосвязь поколений - проблема вечная, нас не может не интересовать и волновать ее сегодняшние проявления в обществе, главным образом в контексте симбиотичности тех возрастных групп, которые могут быть обозначены как крайние на шкале возрастной периодизации. Речь идет о межпоколенных взаимоотношениях в рамках дети - пожилые люди.

Все чаще отмечается стремительный рост численности пожилых людей. Увеличение доли пожилого населения привело к восприятию старости как специфической проблемы. В России неуклонно увеличивается доля пожилых, старых и очень старых людей. В последние годы число людей в возрасте 75 лет и старше увеличилось в 2,6 раза, а число людей в возрасте 85 лет и старше - более чем в 3 раза. Важные последствия для социального положения пожилых людей имело также произошедшее в последние сто лет сокращение размеров семьи и вовлечение женщин в производство. Эти процессы осложнили традиционные виды заботы о людях третьего возраста.

Демографические тенденции и дестабилизация социальной ситуации в нашей стране бросают вызов традиционным побуждениям к самосохранению и сохранению общества, что вызывает потребность в новом взаимодействии между различными поколениями как в семье, так и в обществе. Семья является первым и наиболее индивидуальным уровнем отношений между различными поколениями. Однако, в настоящее время семья претерпевает демографические, культурные и социально-экономические изменения, отражающиеся на внутрисемейных связях. Указанные изменения создают не только проблемы, но и предоставляют новые возможности для конструирования отношений между различными поколениями.

Современная европейская цивилизация не располагает той особенной моральной аурой по отношению к пожилым, которая традиционно сохраняется в восточных культурах. В обыденном сознании и в системе ценностей западного человека биологическая интерпретация проблемы старения оказывается единственной или по крайней мере доминирующей. С этой точки зрения индивид рассматривается, главным образом, как субъект репродукции: реализовав эту функцию он становится обременительным для своего биологического вида. Современный мир не способствует социальной интеграции пожилых.

Возникает парадоксальная ситуация, когда медицина преследует цель продления жизни, а сфера ценностей, включающих новый опыт человечества, не гарантирует пожилым чувства социальной полезности. Между тем, ценностные изменения приводят к расширению жизненных экспектаций старшего поколения, традиционные социальные роли воспитателя и наставника уже не могут служить для них источником самоутверждения. По мнению Маргарет Мид, мы вступаем в

префигуративный тип культуры, где взрослые учатся у своих детей. В результате опыт пожилых остается невостребованным. В нынешнем обществе не созданы механизмы, которые позволяли бы стимулировать социально содержательную деятельность лиц пожилого возраста и тем самым задерживать процесс разрушения личности.

Поскольку поколения существуют во времени, неизбежна проблема, связанная с отношением каждого поколения к прошлому, настоящему, будущему. Для России это особой остроты проблема. Отказ от идеологии прошлого привел к распаду «связи времен», чувства сопричастности к истории своей страны, своей родины. В общественном сознании фиксируется образ советского периода как некой «черной дыры», куда провалились без следа свершения и культура предшествующих времен. Такой образ негативно сказывается на самосознании «отрицающего» поколения, и его видения своего будущего и существования в настоящем. Для подрастающего поколения, когда внутренние структуры еще не сформировались в гармонически устоявшийся ансамбль, чрезвычайно опасна деструктуризация общественных структур. Деструкция может восприняться как норма жизни, что способствует отдалению поколений друг от друга.

Очевидно, что при изучении взаимоотношений поколений необходим мультидисциплинарный подход. Каждая из конкретных наук решает данную проблему в своём контексте. Генеалогия занимается историей родов, происхождением отдельных лиц, составлением родословной. Проблемы генеалогии, истории поколений в нашей стране особенно в первые десятилетия после Октябрьской революции оказались не просто практически забытыми, но и запретными. Из-за низкого культурного уровня значительной части населения страны отношение к духовному наследию, к культу предков, к предшествующим поколениям людей, вылилось в пустое варварское отрицание. Сегодня попытки возрождения дворянского, купеческого и других сословий носят наивный, не имеющий актуального смысла характер. Хотя знание своего прошлого, связи с предыдущими поколениями, судьбы наших предков трудно переоценить.

Демография изучает возрастную структуру общества. Воспроизводство населения происходит прежде всего вследствие естественной смены поколений, то есть через рождаемость и смертность, через иммиграцию и эмиграцию - территориальное движение населения, через социальную мобильность (изменение социального положения, образования, профессии), через изменение численности людей определенного возраста.

Этнография изучает жизнедеятельность хронологически определенных поколений, особенности социализации индивида в рамках различных исторических периодов и этнических сообществ. В этнографии членение жизненного пути выглядит не просто как естественно - биологическое, а как социокультурное, культурно - символическое.

Термин «возраст» употребляется всюду, где возникает необходимость зафиксировать процессы и изменения, происходящие во времени. И. Кон

выделяет два значения определения возраста: абсолютный, или хронологический возраст выражается числом временных единиц (минут, дней, лет), отделяющих момент возникновения объекта от момента его измерения; условный возраст, возраст развития определяются путем установления местоположения объекта в определенном эволюционно-генетическом ряду, в некотором процессе развития, на основании качественно-количественных признаков. Возрастные свойства, процессы и отношения, по И.С. Кону, могут рассматриваться в социологии в трех основных аспектах: 1) индивидуальное развитие; 2) социально-возрастные процессы и возрастная структура общества; 3) возрастной символизм.

В целом проблемы детства и отрочества, старости и старения изучались параллельно. XVIII век остро поставил проблему ценности детской жизни; в XIX веке (80-е годы) общественное признание получила такая категория, как отрочество; в начале XX века - юность; 20-е годы нашего столетия - старость. В начале 20-х годов нашего века бурно развивались этнографические исследования, изучающие возрастные изменения личности, представленные в работах Р.Бенедикт, Ф.Боас, К.Леви-Брюль, М.Мид.

Возрастные процессы рассматриваются с трех позиций:

Индивидуальное развитие («онтогенез», «жизненный путь»).

Социально - возрастные процессы и возрастная структура общества («возрастная стратификация», «возрастные группы»).

Возрастной символизм (отражение возрастных процессов и свойств в культуре).

Социальные различия между возрастными группами тесно переплетаются с различиями между поколениями. Анализ исторического развития взаимоотношений поколений отражает две точки зрения: 1) глобальный, всеобщий разрыв между поколениями, который постоянно увеличивается (М. Мид, С.Н. Паркинсон); 2) подчеркивается маятниковый характер межпоколенных взаимоотношений, периоды конфликтов чередуются с периодами преемственности (Л. Фойер). Как только проблема становится предметом эмпирического исследования, выясняется, что обе крайние точки зрения не состоятельны и межпоколенные отношения являются отношениями «селективной преемственности».

Теория возрастной стратификации социума позволяет рассматривать общество как совокупность возрастных групп, и, таким образом, отразить обусловленные возрастом различия в способностях, ролевых функциях, правах и привилегиях. Данный вектор исследования взаимоотношений поколений представлен в работах В.Ильина, В.Радаева, О.Шкаратана. В условиях превращения рынка в главный социальный регулятор происходит существенное углубление социально-возрастной стратификации. Ослабление государственного регулирования занятости, появление безработицы, приводят к тому, что молодежь начала сталкиваться с очень серьезными проблемами трудоустройства, а пожилые активно выталкиваются на пенсию как рабочая сила, утратившая эффективность и былую работоспособность.

Политика когорты

Влияние социальных и исторических факторов на политические ориентации и поведение возрастных групп придает большое значение в литературе, связанной с политикой когорты. Термин когорта относится к группе людей, рожденных приблизительно в одно время и получивших одинаковый социальный и исторический опыт. Политическое значение принадлежности к когорте состоит в том, что люди, рожденные в одно и то же историческое время, обречены на опыт значимых событий на одной стадии развития жизненного цикла. Каждая когорта имеет свой демографический состав и определенные характеристики, свой специфический набор возрастных норм, ожиданий, и возможностей, которые формируют установки и поведение своих членов на всю жизнь. Социальные и политические события могут влиять по-разному на разные возрастные когорты в обществе, в зависимости от стадии каждой когорты в развитии жизненного цикла и ее предыдущих опытов. Драматические исторические события, такие, как экономическая депрессия, война, иммиграции, технологические инновации и культурные изменения влияют на всех членов общества, но считается, что оказывает особенно сильное воздействие на политические установки молодых, которые находятся на формирующей стадии политического мировоззрения.

Когда общество изменяется быстро и когорты «взрослеют» в разных условиях, у членов каждой когорты развивается свое восприятие и тип политики, которые, если он сильно отличается от опытов других, может спровоцировать поколенческий конфликт. Однако, в то время как теоретики жизненного цикла предсказывают некоторые значительные изменения в политических ориентациях к жизненному курсу, одно из ключевых предположений интерпретации когорты – то, что политические установки и поведение, сформированные во время «молодости» когорты, обеспечивают основу для интерпретации последующих политических событий; таким образом, ориентации и поведение особенно не изменяются с возрастом.

Например, Ловенберг (Loewenberg) (1983) объединил элементы психоанализа с интерпретацией когорты, чтобы объяснить рост нацизма после первой Мировой войны. Он заявил, что относительно большая когорта людей, рожденных в 1900-1914 годы, росла во время Мировой войны и имела одинаковый драматический опыт: отцы – на войне, голод и депривация во время войны, побежденная, оскорбленная имперская Германия, высокий уровень безработицы, разочарование правительством. Это – тот опыт, который сформировал эту когорту, такую восприимчивую к упрощенным, brutальным решениям, предлагаемым нацистами.

Большинство крупномасштабных обследований возраста и политики сосредоточивалось на объяснении возрастных различий в идентификации политических партий, либеральная против консервативной политической идентификации, и психоза. Например, было обнаружено, что старшие возрастные группы более консервативны и поддерживают республиканскую

партию, по сравнению с более молодыми возрастными группами, в то время, как теоретики жизненного цикла заявили, что увеличивающийся консерватизм с возрастом связан с процессом старения и тем временем, с которым старшие возрастные группы идентифицируют себя с обществом. Это стареющие когорты не обязательно становятся более консервативными, и когорта, которая участвовала в выборах во время Депрессии Нового курса, идентифицировала себя с демократической партией всю жизнь. Несколько крупномасштабных, кросс-национальных обследований западных европейцев за последние десятилетия также были проинтерпретированы с точки зрения когорты. Политические установки когорт, которые росли во время экономической депрессии 1930-х и испытали мировую войну, отличаются от политических установок когорт, которые развивались в относительно благополучное время после войны.

Когорта преобразуется в *политическое поколение*, когда начинает понимать, что связаны сознанием возрастной группы, и мобилизуются как активная сила политического изменения. Быстрое социальное изменение отделяет одно поколение от следующего и увеличивает вероятность, что каждое новое поколение молодежи развивает собственный уникальный менталитет и стиль. Исследование различий возрастной группы в политике становится особенно важным с политической точки зрения, когда политические ориентации делятся по линиям возрастной группы, указывая, каким будет политическое поколение. Политическое поколение, как считают, появляется, когда возрастная группа не принимает существующий порядок, соединяется и пытается изменить курс политики.

Четыре важных молодых политических поколения были идентифицированы в истории: молодая Европа, пост-викторианская, великая депрессия, и поколение 1960-х. Вопрос о том, почему политические поколения возникают во время одного периода истории, а не в другое, не объяснить только жизненным курсом. С поколенческой перспективы, динамика формирования политических поколений опирается на исторические обстоятельства: рост населения, урбанизация, индустриализация, экономические депрессии, безработица, технологические изменения, национализм, культурные сдвиги. Определяются и силы мобилизации: сети организации, солидарность, харизматическое руководство, межгрупповая конкуренция и конфликт в отношении политических целей. Оба этих оттока соединились во время определенных периодов в истории, чтобы сформировать активные политические поколения.

Жизненный курс и поколенческий подход

Ряд проблем возникает в исследовании политики поколения, многие связаны с неоднозначностью самого термина «поколение». Термин «поколение» использовался в отношении к возрастной группе в терминах стадии жизненного цикла, семейного рода, расположения когорты и как решающая политическая сила для изменения. Кроме того, хотя поколение использовалось в смысле отношения к роду поколения, использование

поколения родителей является относительным в отношении к членству возрастной группы, с тех пор, например, родители старших классов средней школы могут быть разного возраста (от 30 до 60 лет). Таким образом, в исследованиях социализации политики рода выводы можно сделать о влиянии жизненного курса или влиянии исторических опытов когорты на политические убеждения родителей.

Хотя используются количественные критерии, такие, как группирование по декаде рождения, годам выборов или фиксированному интервалу времени – предполагается, что поколения делятся по таким качественным критериям, как определенные исторические события или. Однако, когда качественные критерии используются, чтобы идентифицировать поколение, данные могут больше не допускать равные интервалы, необходимые для выполнения математических действий. Определение возрастных групп и поколений может расширить понимание динамической связи между когортами, поколениями и политикой.

Другая проблема касается определения, в какой период когорты становится политическим поколением. В то время как «сознание», «исключительность», «солидарность», и «мобилизация» для социального и политического изменения являются характеристиками, отличающими поколение от когорты, не всегда ясно, когда политическое поколение формируется, и это не просто операционализировать и измерить «сознание поколения» или «коллективный менталитет». Мало известно о развитии коллективных менталитетов и как они превращаются в реальную силу политического изменения, и при этом не понятно взаимодействие между конкурирующими политическими блоками поколения, поддержание активности политического поколения, почему политическое поколение «умирает», что является прямым и косвенным следствием усилий политического поколения для изменения. Трудно предсказать, когда и где политическое поколение возникнет. Во всем мире сегодня, кажется, что исторические обстоятельства способствуют образованию политических поколений. Хотя молодые люди политически активны в ряде стран и озабочены проблемами защиты природы, экологии, атомного оружия, расизма, правительственных репрессий, национального освобождения, религиозных борьбы, их действия не достигают статуса, который предполагает политическое поколение.

Одна из главных слабостей основанных на возрасте политических исследований – их ограниченный фокус, тенденция рассматривать факторы жизненного цикла или поколенческой когорты в объяснении политического поведения. Необходимо более комплексный подход к исследованию возрастных паттернов политического поведения, возрастных различий и изменений в политике и формированию политических поколений в истории.

Разделение между политикой жизненного курса и политикой поколения ясно очевидно в теоретической и эмпирической литературе девятнадцатого столетия. Классификация исследования как представление перспективы жизненного курса или интерпретации поколения зависит, прежде всего, от ее

акцента. Перспектива жизненного курса наиболее очевидна в тех исследованиях, которые сосредотачиваются на возрастных паттернах и изменениях в политическом поведении, игнорируя исторические и социальные факторы. С другой стороны, исследования политики поколения подчеркивают воздействие родительской социализации и важных исторических событий, не рассматривая роста личности и развитие жизненного курса. Однако, изучение связи между возрастом и политикой требует широкого подхода, который включает аспекты развития жизненного курса и исторических влияний внутри контекста социополитического периода. Авторы выдвигают концепцию: более плодотворный подход к пониманию политического поведения должен совмещать в себе элементы концепций жизненного курса и политики поколения.

Таким образом, молодой и старый может реагировать по-разному на одно и то же политическое событие в зависимости от определенной стадии развития жизненного цикла и уникального опыта когорты. Жизненный курс и подход политики поколения требует понимания развития жизненного курса и социоисторических изменений, взаимодействия между этими двумя силами за влияния на политические ориентации и поведение и способа, которым эти связи изменяются во время. Такое взаимодействие не только включает факторы жизненного курса и поколенческой когорты, но также и рассмотрение социополитического периода, во время которого проводятся эмпирические исследования. Измерения анализа те же, что и использовались в методе периода старения когорты, но, вместо того, чтобы рассматривать измерения в их традиционном значении, влияния рассматриваются совместно, учитывается при этом, что они могут объединяться различными способами для разных возрастных групп или сегментов возрастных групп и что любые наблюдаемые связи могут изменяться с изменениями в политической ситуации.

Отличие между добавочными видами объяснений движений молодых и интерактивного жизненного курса и подхода политики поколения показывается следующим образом. С перспективы жизненного курса, протест молодых объясняется выходом эмоций и освобождением от напряжения. С точки зрения поколенческой перспективы, оппозиция молодежи возникает, когда большая когорта имеет специфический набор исторических опытов, социальных структурных условий и возможности для мобилизации. Однако, появление движение молодых – это больше, чем результат влияния или жизненного курса или опыта когорты; он репрезентирует взаимодействие между развитием жизненного курса, опытами когорты/поколения и социополитическими трендами. Исследование четырех экстраординарных периодов поколенческой активности показывает, что в течении каждого жизненного цикла характеристики жизненного цикла молодых (высокий энергетический уровень, увеличивающаяся когнитивная осведомленность, поиск идентичности и отношения между собой и обществом) в комбинации со специфическим набором опытов когорты

(выделение большой когорты с высоким уровнем образования, формирование при определенных глобальных социетальных и семейных условиях) взаимодействовали с некоторыми историческими трендами (разочарование в социальных условиях, социальных изменениях и силах мобилизации), чтобы произвести политические поколения молодых и конкурирующие поколенческие блоки.

Сравнение обследований бывших активистов и исследований жизни лидеров активистов 1960-х показало, что, за немногими исключениями и несмотря на отчеты средств массовой информации, эти левые оппозиционеры не присоединились к эстеблишменту и не стали карьеристами в бизнесе; они выбрали карьеры, которые не входили в разрез с их прежними социальными и политическими ценностями, и многие продолжили поддерживать политическую оппозицию всю зрелую жизнь. Однако, поколенческий эффект – не единственный фактор, объясняющий политическое поведение зрелого человека. Влияние жизненного цикла и периода взаимодействует с поколенческим влиянием на взрослую жизнь бывших активистов 1960-х. Интервью с прежними лидерами активистов показали, что, хотя многие придерживались тем политическим ценностям и ориентациям, которые не противоречили их молодым годам, их политические тактики и стратегии значительно смягчились. Или это политическое смягчение произошло в результате взросления или под воздействием изменений политического климата, или по обоим этим причинам, точно не известно, но для личностей и групп существуют элементы стабильности и изменения в политических ориентациях и поведении.

Более информативный подход обеспечивает сравнительный тип анализа. Используя интервью жизненных историй, Вэлен и Флэкс (1980, 1984) провели исследование развития жизненного курса группы студентов, участвующих в протестах, следили за их жизненными паттернами с 1970, когда в 1980-е годы они участвовали в инциденте в Калифорнии. Исследование сосредотачивалось и на сходствах и различиях в жизненных паттернах, оно показало, что активисты изменили свою карьеру и политические ориентации, т.к. они отреагировали на изменяющуюся социополитическую и личную ситуацию.

Опыт поколения студенческих волнений они принесли с собой во взрослую жизнь, он сильно повлиял на их политические ценности и восприятие. Вэлен и Флэкс также интервьюировали группы взрослых людей, представителей мужских и женских организаций в колледже в то же самое время, что и студентов 60-х, и нашли, что зрелые жизненные паттерны этих двух групп контрастируют между собой. Исследование показало, что бывшие активисты не следовали стандартным стилям жизни, продолжали интересоваться политикой в зрелые годы, и это доказало взаимодействие между развитием жизненного цикла, влиянием поколения и способом, которым два различных сегмента одной и той же возрастной группы относятся по-разному к политике с течением времени.

Политика хода жизни

Подход жизненного курса к объяснению политического поведения основан в значительной степени на интерпретациях жизненного цикла человеческого поведения. Тезис этого подхода: поскольку индивидуумы становятся старше, с ними происходят качественные изменения в физиологии, когнитивном функционировании, эмоциональных паттернах и потребностях.

Эти биопсихологические изменения происходят в течение жизни и рассматриваются последовательными, необратимыми, и, в большинстве случаев, универсальными. Развивающийся развертывающийся процесс протекает, как индивидуумы одного возрастного уровня движутся в последовательном направлении к определенным образцам роста. Потому что каждая стадия жизни связана со своими ориентациями, потребностями, и интересами, отношения между возрастными группами, не всегда простые, что ведет к конфликту поколений. Хотя теория жизненного курса имеет тенденцию подчеркивать биопсихологическое развитие и изменения в жизненном курсе, все же большое влияние оказывают социальные факторы. Таким образом, биопсихологическое развитие возникает в рамках социального и исторического контекста.

Другие типы политических исследований предполагают теорию развития жизненного курса. Фокусируясь на возрастных паттернах человеческого поведения, некоторые исследователи идентифицировали характерные способы политического размышления и поведения на разных стадиях жизни. Акцент в теории жизненного курса на различных потребностях, кризисах и ориентациях каждой стадии привел к политическим исследованиям степени различий возрастных групп в политике.

Концепция жизненного курса также указывает, что у индивидуумов изменяются паттерны роста и интересов, хотя политические ориентации остаются относительно устойчивыми.

Другие типы политических исследований предполагают теорию развития жизненного курса. Фокусируясь на возрастных паттернах человеческого поведения, некоторые исследователи идентифицировали характерные способы политического размышления и поведения на разных стадиях жизни. Акцент в теории жизненного курса на различных потребностях, кризисах и ориентациях каждой стадии привел к политическим исследованиям степени различий возрастных групп в политике.

Концепция высвобождения ресурсов имеет много общего с теорией межпоколенного «обмена», который возможен как на уровне индивидов, так и между разными возрастными группами. Еще один подход к изучению старости рассматривает ее как элемент человеческого бытия и развития, определенным образом институализированный в культуре. Традиционно данный феномен представляется в качестве основного звена механизма преемственности общественных отношений, культуры, морали, опыта.

В рамках изучения межпоколенной трансмиссии культуры делаются выводы об изменениях содержания, темпов, форм передачи знаний и опыта от

поколения к поколению, связаны с процессами информатизации современного общества. По мнению Маргарет Мид, имеет место тенденция перехода от вневременности и всепобеждающего обычая, когда образ жизни старших по возрасту выступал как постулат, законченная версия жизни молодого человека к институализированным возрастным градациям в обществе, когда следующее поколение должно усваивать новые жизненные привычки, а влияние представителей старшего поколения сводится к минимуму.

Период совершеннолетия имеет специфический интерес с точки зрения политической аpolitical перспективы, так как, это есть важное время в жизни для развития политических установок и поведения. Условно границей детства и отрочества можно назвать время, когда человек начинает проявлять осмысленный интерес к противоположному полу. Отрочество перерастало в юность в течение нескольких лет. В 8-12 лет у ребенка изменяется отношение к учебе, снижается интерес к ряду предметов, появляется ощущение утомления, перегруженности, увеличения трудностей, изменяется отношение к себе, растут негативные самооценки.

Подростковый возраст - эпоха полового созревания, во время которого подросток теряет старые связи со средой, мир наполняется для него новым смыслом. Это период общей неопределенности, раздражительности, повышенной утомляемости, частого колебания настроений. Старые авторитеты рушатся, а на их месте образуются новые. В это время осуществляется переход от сознания к самосознанию, мышление приобретает рефлексивный характер, подросток требует признания его самостоятельности. Главной потребностью этого возраста является интимно-личное общение.

Резкой и вполне определенной границей между юностью и зрелостью была женитьба. Жизнь в старческих воспоминаниях неизменно делилась на две половины: до свадьбы и после свадьбы. Действительно, сразу после свадьбы резко менялся весь уклад и быт человека. Главенство от отца к старшему сыну переходило не сразу, а по мере старения отца и накопления у сына хозяйственного опыта. Оно (главенство) как бы понемногу соскальзывает, переливается от поколения к поколению. То же самое происходит и на женской «половине» дома. Молодая хозяйка становится с годами главной «у печи», а значит и большухой. Это происходило естественно, поскольку свекровь старела и выполнять тяжелую физическую работу уже не могла. И опять между порой зрелости и старости не существует резкой границы.

Когнитивные изменения, которые происходят во время молодости, ведут к большей политической осведомленности и повышению способности критически мыслить. Кроме того, молодость – время, борьбы за независимость, формирования идентичности, поиска истины, и установления связи между собой и обществом. Эти характеристики делают молодежь более критичной к старшим, обществу, политике, и это можно интерпретировать

как предрасположенность молодежи к конфликту поколений, восстанию, и революции.

Молодежный возраст

Молодежь уже не воспринимается только как возрастная группа, зачастую участие в общественных и политических процессах презентуют ее как социальную группу, зачастую ущемляемую в правах, дискриминируемую по многим сторонам жизни. Если Мангейма молодежь интересовала как субъект социального обновления, то для Т. Парсонса она - прежде всего объект социализации, а проявление недовольства, социального протеста рассматриваются как формы девиантного поведения. Еще в работе 1961 года Т. Парсонс вычленил в качестве главного противоречия молодежного возраста, сочетание вынужденной включенности в отношения родительской семьи в силу замедленного темпа обретения самостоятельности с ориентацией на группы ровесников, то есть на референтные группы.

Подъем молодежного студенческого движения на Западе способствовал развитию теорий, связанных с конфликтом поколений как универсальной темой истории, борьбы между поколениями. Апеллируя к Фрейду, полагают, что в основе межпоколенных конфликтов лежит соперничество между отцом и сыном (Эдипов комплекс). Работа с молодежью имеет конечной целью дать возможность молодым людям приобрести социальную компетентность. Ранние годы жизни важны, поскольку закладывается основа, которая определяет характеристики взрослого человека.

Так как социально-возрастные процессы и возрастная структура общества могут быть описаны в терминах возрастной стратификации, то путем деления общества на возрастные страты можно представить процесс последовательной смены и преемственности поколений. Система возрастного символизма включает в себя: 1) нормативные критерии возраста, представление о том, на какие фазы делится жизненный путь и какие задачи решаются на каждом его этапе; 2) аскриптивные возрастные свойства или возрастные стереотипы - черты и свойства, приписываемые культурой лицам данного возраста и выступающими для них в качестве подразумеваемой нормы; 3) символизацию возрастных процессов - представление о том, как протекают или должны протекать рост, развитие и переход индивида из одной стадии в другую; 4) возрастные обряды - ритуалы, посредством которых культура структурирует жизненный цикл и оформляет взаимоотношения возрастных слоев, групп; 5) возрастную субкультуру - специфический набор признаков и ценностей, по которым представители данного возрастного слоя осознают и утверждают себя в качестве «мы» отличного от всех остальных возрастных общностей.

Были в истории социалистических стран и периоды, когда обсуждение проблем молодежи считалось излишним, а сами эти проблемы – присущими, как и безработица, лишь капиталистическому обществу. Достаточно широко применяется подход, связывающий определение молодежного возраста с понятием трудоспособности. С этой точки зрения, детство – период, когда

люди не занимаются производительным трудом; молодость – пора выбора профессии, обучения; зрелость – время реализации своих способностей, активной работы.

Границы трудоспособного возраста определялись в разное время и в разных обществах по-разному. Сейчас в большинстве индустриальных стран подростки до 16 лет могут работать только сокращенный рабочий день, не допускаются к определенному перечню работ, их труд подлежит контролю соответствующих организаций. Между тем на заре индустриальной эры детский труд просто не рассматривался в качестве социальной проблемы, дебаты велись о том, следует ли государству вмешиваться в отношения с работодателями семи-восьмилетних мальчиков и девочек. В конце XVIII столетия английские филантропы, требовавшие ограничений использования труда малолетних, третировались общественным мнением как враги свободы, мешающие детям свободно продавать свою рабочую силу.

Биологические, технологические факторы ограничивают возможности присваивать возрастным этапам то или иное значение, хотя в конечном счете, определяет его общество. Следовательно, надо говорить о *социальности возраста*, решающей роли в его определении именно социокультурных факторов. Все традиционные общества дифференцированы, по крайней мере, на четыре возрастные группы: дети, молодежь, зрелые люди, старики, что связано с разделением труда.

Традиционное общество при определении социального возраста руководствовалось, главным образом, двумя критериальными основаниями: уровнем физических возможностей и богатством жизненного опыта, которыми положено было обладать индивиду к определенному возрасту. Процедура инициаций, помимо прочего, содержала и проверку действительного соответствия стандарту. В определенной мере, пережитки подобного рода «экзаменов» можно видеть в традиционной свадебной обрядности, в частности, в обычае (уже в XIX веке, когда он записывался, имевшем, конечно, чисто игровой смысл) требовать от невесты подмести пол, сходить за водой, или что-либо приготовить для оценивавших ее усилия гостей.

Индустриальная эпоха делает общепринятым феномен длинного детства. Естественно, по мере усложнения общества, развития разделения труда, специализации институциональных форм, процесс социализации оказывается все более длительным, требуя все больших затрат физического и социального времени. Индустриальная эпоха создает специализированные учреждения, ориентированные именно на *подготовку* молодежи к выполнению определенных ролевых функций. Состояние взрослости наступает позднее, что фиксируется и официальным признанием статуса совершеннолетия (причем, дифференцированным функционально и темпорально: так, в России юноши и девушки в 16 лет получают паспорт, чем регистрируется признание за ними определенного комплекса гражданских прав и обязанностей; однако,

некоторые формы правовой ответственности наступают в более раннем возрасте, а избирательное право в своей полноте – позднее).

Длинное детство – феномен индустриальной культуры, состоящий в значительном расширении временного периода, признаваемого обществом в качестве предназначенного для освоения молодежью *взрослых* ролей.

Однако, всякое социальное различие сопряжено с распределением прав и обязанностей. При этом, каждая группа, естественно, заинтересована, чтобы обладать максимальной полнотой прав и привилегий, и по возможности, побольше избавиться от обязанностей. С другой стороны, общество заинтересовано в гармоничном сотрудничестве групп, их взаимодействии в рамках целостной системы. В этом противоречии и вырабатывается общепринятое понимание социального возраста.

Формирование групп интересов само по себе представляет достаточно длительную эволюцию, определяемую как раз процедурами формулирования социальных установок. Сказав молодежь, мы можем иметь в виду разные вещи, например: *Надежда нации, Недоросли, Самонадеянные юнцы, Представители нового*. Определяя социальные проблемы, люди конструируют и собственную идентичность. Человек, подчеркивающий отличия, непохожесть молодых людей на подразумеваемый им при этом образец, указывает, тем самым, на отсутствие у себя выделяемых качеств. Например, если молодые люди определяются как пренебрегающие моральными нормами, очевидно, автор высказывания, по крайней мере, полагает для себя важным заявить формальное их соблюдение.

Таким образом и создается ситуация *конфликта поколений*. Под этим термином обычно понимается противопоставление социально-возрастных групп на основании различия жизненного опыта. Оно становится базовым для *эйджизма* – установки на дискриминацию, стигматизацию людей по возрастному признаку (эйджизм – идеология абсолютизации преимуществ молодежного возраста, наиболее наглядно представленная в объявлениях о найме на работу с ремаркой: «приглашаются лица моложе 30-ти летнего возраста»).

Взрослое общество «замечает» молодость, пожалуй, позднее, нежели детство. Последнее, как пора созревания и невинности, фиксируется общественным мнением примерно с XVII века. Средневековое и ренессансное общество проводило лишь рубеж 6-7 летнего возраста между младенчеством и взрослым состоянием. С этого момента детей вовлекают в систему прав и обязанностей взрослого мира: приобщают к ремеслу, допускают заседать в государственном совете (хотя бы и формально); их одежда и пища не отличается принципиально от взрослой. С XVII века начинает считаться важным оградить детей от пороков взрослого мира, а в XVIII столетии можно говорить уже о полемике различных типов педагогических идей, все из которых, однако, основаны на признании особого статуса детства. Молодость как самостоятельный этап получает

признание в начале XX столетия. Одним из первых выделил это понимание Стэнли Г. Холл.

На рубеже XX столетия Н.Федоров характеризует наступающую эпоху, как время блудных сыновей, отягощенных виной сознательного разрыва цепи поколений. В основе сформулированной им концепции лежит жесткая, тоталитарная, модель социализации, порожденной ситуацией крайне острого восприятия конфликта поколений. К нему близок Ортега-и-Гассет: *Отвращением к долгу отчасти объясняется и полусмешной - полупостыдный феномен нашего времени - культ молодежи как таковой.*

Резкость приведенных характеристик подчеркивается тем, что материалом для их формулировки послужила социальная практика стран, в которых процессы модернизации шли относительно замедленно, не проявлялось доминирование молодежных субкультур. Юнификация была очевидной в различных формах и для Соединенных Штатов, и фашистской Германии, и, наконец, Советского Союза.

В странах, избежавших резких социальных потрясений, конфликт поколений ощущался не столь резко. В США обращение социологов к изучению молодежной среды массовым становится лишь с пятидесятых годов, в то время как *молодежные стандарты* получают достаточно широкое распространение двумя-тремя десятилетиями раньше. По мысли Хейзинги три функции науки: воспитание, приращение знания и его техническое использование - в восемнадцатом веке можно выразить отношением 8: 4: 1. Если определить то же отношение для нашей эпохи, оно может выглядеть приблизительно как 2:16: 16.

В середине XX столетия обратили внимание на затянутость периода ожидания юношами и девушками взрослых ролей. В этом понимании девиации выступают естественным следствием депривации молодежи, прежде всего, в экономической сфере. Отсутствие единства в определении границ между отрочеством, юностью и взрослостью определяется отсутствием единых критериев выделения этих этапов.

Постмодерн предлагает вариативные модели жизненного пути. Формальные статусные признаки (получение паспорта, завершение учебы) начинают отступать на второй план, вытесняясь такими характеристиками как получение постоянной работы, создание семьи. Речь идет о значимых социально-ролевых изменениях, формировании более разветвленной ролевой структуры, соответствующей усложнению социокультурного пространства. При этом, позиционирование установок опережает формирование банка реальных возможностей молодых людей, их ориентации взрослеют быстрее, чем они сами.

С достаточной уверенностью можно указать на явное удлинение периодов отрочества и молодости в современных обществах. Усложнение жизни требует более основательной подготовки к ней; длинное детство изначально было важнейшим признаком становления человеческой цивилизации.

Сроки наступления пяти важнейших жизненных событий существенно изменились с конца XIX по конец XX века. Рассматривались завершение образования, вступление на рынок труда, уход из родительского дома, первое вступление в брак и обзаведение собственным хозяйством. Юноши и девушки XIX века раньше оканчивали школу, и раньше вступали на рынок труда, но позже уходили из родительской семьи, вступали в брак и устраивали собственное хозяйство (заметим, что, при этом, меньшей оказывалась и родительская помощь). Молодежь XIX века быстрее совершала переход к статусу взрослого в профессиональной сфере, и медленнее – в социальной. Переход от молодости во взрослое состояние не рассматривался как четко обозначенный во времени. Для России эти закономерности приобретают иное содержание: переход от традиционного общества к индустриальному был более резким, а становление постиндустриализма – противоречивым.

Работа с молодежью имеет целью дать возможность молодым людям приобрести *социальную компетентность*. Различные социокультурные условия, или установки агентов работы с молодежью предъявляют разные требования к социальной компетентности, и в различных сообществах используются иногда диаметрально противоположные технологии социального образования, которые не всегда могут быть перенесены из одного социокультурного контекста в другой.

Основная идея *функционализма* состоит в том, что общество функционирует на основе разделяемых всеми ценностей, норм, убеждений. Основой функционализма, таким образом, является идея консенсуса, которая заключается в том, что люди согласны с базовыми ценностями общества. С точки зрения функционализма, семья, право, система образования являются агентами усиления этого контроля.

Теория конфликта отвергает идею консенсуса. Согласно теории конфликта, индустриальное общество обуславливает все более неравное распределение дохода и сталкивается с растущей проблемой социального контроля. Образовательные институты выполняют функцию поддержания социального контроля, подчеркивая важность дисциплины и уважения к власти. Сторонники этой социологической традиции пытаются исследовать пути противодействия такому контролю и угнетению. Они полагают, что для этого существуют два основных способа — изменить человеческое сознание, изменить структуру общества.

1. Функционалистская модель работы с молодежью, цель в рамках этой перспективы, – обеспечение контролирующей функции с помощью социальных институтов, социализирующих тех, кто еще не готов для общества. Работа с молодежью служит для поддержки социальной сплоченности. В этой парадигме молодые люди должны быть подготовлены к выполнению специфических ролей в обществе, работа с молодежью направлена на поддержание его моральных ценностей общества, энергия молодых людей должна направляться в конструктивное русло.

Предполагается, что молодым людям необходимо общаться со взрослыми, обладающими достаточно положительными моральными качествами, чтобы служить ролевой моделью.

Молодые люди находятся в стадии перехода от детства к взрослой жизни. В стадии перехода молодые люди способны бунтовать, необходимо, чтобы их бунтарство было направлено на социально приемлемые цели. Этот подход подчеркивает значение падения моральных ценностей и необходимость контакта молодых людей со взрослыми, чей правильный моральный облик может служить ролевой моделью.

Эта модель иерархична; все основные решения принимают взрослые. Реализация целей функционалистской модели предполагает, что молодые люди будут дисциплинированы, обладать приемлемой системой ценностей, поддерживать социальный порядок посредством своей преданности существующим социальным институтам и структурам. В обществе основные институты останутся неизменными, ценности, которые поддерживают эти институты, внушаются молодому поколению, сохраняются и передаются далее.

2. Интерпретативная модель. Работа с молодежью в этой перспективе фокусируется на персональном развитии потребностей молодых людей с некоторым учетом социального положения или окружения молодых людей. Молодые люди рассматриваются как проходящие через молодежную фазу жизни. Таким образом, они должны разрешить проблемы, присущие этой фазе. Работа с молодежью призвана смягчить прохождение этой фазы, предоставляя разнообразные возможности для обучения навыкам, необходимым во взрослой жизни. Интерпретативная модель - это сознательное стремление помочь людям приобрести необходимые знания, навыки, чувства, отвечающие своим потребностям, связанным с развитием, и потребностям других.

С точки зрения молодежных проблем, молодые люди проходят переходную фазу от детства к взрослости. Им необходимо решить задачи, присущие этой стадии. Акцент делается на пропаганде персональной ответственности за индивидуальный выбор, согласно существующим в обществе ценностям. Программы работы будут фокусироваться на помощи молодым людям в освоении и понимании собственных ценностей, относящихся к здоровью, сексуальности и пониманию последствий сделанного выбора. Рекреационные программы представляются как средство, посредством которого молодые люди учатся социальной коммуникации с другими. Как правило, эти программы отказываются от соревновательного элемента и концентрируются на групповых и техниках, для воспитания сотрудничества, взаимопомощи и групповых обязательств. Молодые люди способны развиваться как личность по своему праву, они могут думать, рефлексировать, вырабатывать свои взгляды на жизнь и принимать на себя ответственность за свое поведение.

Организационные структуры создаются проектами и клубами, где молодые люди в определенных пределах вовлечены в процесс принятия решений. В

этом подходе включение молодых людей в структуры принятия решений рассматривается как механизм, способствующий развитию качеств лидера и личной ответственности.

Целью интерпретативной модели является воспитание молодых людей, которые подготовлены к активной роли в обществе, развили способность строить и поддерживать отношения, сформировали позитивную «Я-концепцию» и персональные ценности, имеют опыт лидерства и навыки принятия решений, понимают значение контроля своей жизни, и верят в то, что могут добиться успеха, если приложат достаточно усилий.

3. Радикально-гуманистическая модель. В теории конфликта ключевым пунктом анализа является взгляд на идеологию как скорее навязываемую, чем основанную на консенсусе. Общество представляется как несправедливое, разделенное по расовым, классовым и гендерным признакам. Это неравенство неоправданно, психически и социально вредно, особенно тем, кого существующие социальные структуры поместили в подчиненную позицию. Теория конфликта рассматривает государственную политику как препятствие личностному развитию, роль стратегий осознания и повышения знания являются основным элементом подхода. В этой перспективе молодые люди – жертвы несправедливости в обществе; необходимо оспаривать его ценности, неравенство, установленный социальный порядок.

Основная идея – привести молодых людей к достаточному уровню осведомленности относительно их социальной и политической ситуации, когда они будут мотивированы и мобилизованы для попыток достижения перемен внутри институциональных структур. Молодые люди должны осознать тот факт, что для них открыта возможность изменить социальную реальность, они могут конструировать новые реалии, где будут не потребителями, а творцами социальных норм.

Акцент в этой модели сосредоточен на стратегиях повышения сознания, которые рассматривают доминантную систему ценностей как неотъемлемую часть молодежных проблем. Главное внимание обращается на обеспечение солидарности. Общность строится на совместном анализе внешних событий, сближающих группы дискриминируемых меньшинств как средство понимания жизненной ситуации друг друга. Отношения с молодыми людьми строятся на партнерстве. Структуры участия в проектах, основанных на этой перспективе, будут соответствовать энергии молодых людей и отвечать их интересам, формированию приоритетов.

4. Радикально-структуралистская модель предполагает, что в условиях растущего кризиса у нового поколения есть шанс осуществить существенные перемены в социальной системе, молодые люди могут рассматриваться как их потенциальные агенты. В этой перспективе революционные перемены являются необходимым намерением, но не достаточным условием для трансформации социальной, экономической и политической систем в общество, в котором гуманный потенциал больше не искажается и не

опустошается. Критические теоретики не рассматривают технологический прогресс как основу эмансипации, но политическая активность рассматривается как их действительный интерес.

В радикальной перспективе молодежные службы были одним из выражений формулы конструктивного использования досуга как главной стратегии помощи молодым людям в реализации своего социального потенциала, как посредством неформального научения социальным навыкам, так и через участие в развитии социальных общностей.

В современной России пространство реализации этой модели определяется деятельностью политических молодежных организаций, хотя преувеличивать их значимость было бы ошибкой. Общая численность сторонников крупнейших («Соколы Жириновского», РКСМ, «Всероссийский молодежный союз Отечества», «Молодежная организация Яблоко», «Православная молодежь»), не превышает 90 тысяч человек. При этом, всеми ими активно эксплуатируются аффилиативные¹ стремления молодежи.

Радикально-структуралистская парадигма имеет ряд следующих характеристик практик работы с молодежью. Молодые люди – социально эксплуатируемая группа; интересы доминантной экономики и легитимных социальных групп имеют следствием маргинализацию молодых людей и снижение их жизненных шансов; равенство для молодых людей не может быть достигнуто, пока институты не изменят своей формы, правил и основы власти.

Условия осуществления молодежной политики в России определяются следующими факторами. Прежде всего, следует учитывать *динамику численности* молодежи. Прогнозируется ее некоторый рост на протяжении первого пятилетия XXI века (порядка 3 % к уровню середины 90-х годов) с достижением максимума в 2005 году и дальнейшим спадом к 2010 году – ниже уровня 2000 года. На молодежный возраст приходится треть трудоспособного периода, молодежь сегодня составляет 40 % трудоспособного населения, при этом реально занята лишь половина: остальные учатся, не имеют работы, находятся в отпусках по уходу за ребенком.

Социальный статус молодежи определяется, прежде всего, социально-профессиональным положением ее самой и родительских семей (поскольку доля рантье в нашем обществе еще минимальна). В середине 90-х годов лишь пятая часть населения достигала высокого статуса (по квалификации, оплате, удовлетворенности работой) в возрасте до 30 лет. Доля высококвалифицированных работников среди молодежи составляла 15 %. При этом 42 % проявляли равнодушие к специальности, 6 % стыдилось своей работы, 63 % не верило в возможность профессионального продвижения. За пятилетие ситуация несколько изменилась, но эти изменения неоднозначны и лежат в контексте демократизации общества, становления новых экономических отношений. Широкое распространение эйджизма затронуло,

¹ Аффилиативные – порожденные потребностью в общении, причастности к группе.

главным образом, профессиональные области, изначально неспособные востребовать значительную часть молодежи.

Статусные характеристики значительных групп современной российской молодежи предполагают ее *маргинальность*. Если на начало 90-х годов число работающих не в соответствии со специальностью составляло 38 %, то в конце десятилетия – 51,5 %. Разумеется, это связано, прежде всего, с неверными ориентациями системы подготовки кадров в условиях реструктуризации экономики; однако, для молодежи результатом оказывается невостребованность профессиональных навыков. За первую половину 90-х годов в полтора раза выросла доля низкостатусных групп молодежи. Более 80 % юношей и девушек достигает экономической самостоятельности к 30 годам, по сути, на пределе молодежного возраста, или за этим пределом. В современном российском социуме порождает существенный дисбаланс между завышенными ожиданиями, самооценкой молодежи и ее реальным положением.

Миф о готовности юношей и девушек браться за любую работу тоже составляет часть идеологии эйджизма, противопоставляющего мобильность молодого поколения консерватизму старших. На деле молодежь в абсолютном большинстве (не отличаясь в этом от старшего поколения) ориентирована в выборе специальности не на перспективы профессионального роста, а на уровень оплаты. По-прежнему в профессиональной ориентации для половины юношей и девушек решающее значение сохраняет совет родителей, поскольку на родителей и возлагается ответственность за сделанный выбор. В то же время налицо объективная тенденция ориентации молодежи на отрасли и виды деятельности, принадлежность к которым определяет ее статус как связанный с новыми явлениями в российской экономике. Если на начало 90-х годов в частном секторе работало около 5 % юношей и девушек, то на конец 90-х годов – пятая часть. При этом оценки молодежью престижности работы на государственных предприятиях снизились вдвое.

Сохраняется тенденция преимущественно горизонтальной *профессиональной мобильности*. Молодежь легко меняет близкие виды деятельности, или просто рабочие места, но говорить о планируемом карьерном росте можно лишь в отдельных случаях. При этом, чем выше квалификация, тем ниже мобильность, что отличает российское общество не только от японского, но и от американского. Впрочем, замкнутой кастой остаются и крестьяне: если молодой человек не уезжает из деревни сразу по окончании школы (или после службы в армии), скорее всего, там он и останется.

Катастрофическим следует назвать состояние *здоровья* молодого поколения. Поступающие в школу дети практически здоровы на 85 процентов контингента, а выпускники школы – лишь на 15 процентов. Авторитарная школа делает детей больными, содержит их в заключении своих программ и стандартов в течение 10 лет. По международным стандартам годными к воинской службе следовало бы признать лишь 1/5 призывников; даже

комиссии российских военкоматов бракуют порядка 15 %. Психические расстройства фиксируются у более чем миллиона школьников, употребляют алкоголь 9/10. Широкое распространение получили такие социальные заболевания, как туберкулез, педикулез.

Семья как встреча поколений

Большинство молодежи до 18 лет, как минимум, остается в родительской семье. Подросткам не только трудно найти приемлемую, в отношении оплаты, работу. Обретение хотя бы частичной самостоятельности затрудняется, во-первых, сформированностью завышенных ожиданий, во-вторых, мощной традицией. На ранних этапах советского общества проявлялась тенденция противопоставления подростков семье. Передовые пионеры должны были перевоспитывать отсталых родителей; во всяком случае, родительский авторитет никак не полагался безусловным. Однако, и тогда разрушение родительского авторитета не означало обретения самостоятельности: власть предков заменялась властью организации. В дальнейшем, по мере пересмотра статуса семьи, объявленной *ячейкой социалистического общества*, экстремизм установок 20-х годов был смягчен, хотя Павлик Морозов не исчез из ряда героев, призванных служить примером.

Показательно в этом плане сравнение с эпизодом канонической легенды о Конфуции, в бытность судьей дважды решавшим сходные проблемы: в случае с юношей-дезертиром, покинувшим войско, чтобы навестить умирающего отца, и другим юношей, донесшим на отца за кражу. Конфуций оба раза принял решение в пользу авторитета семьи, а не государства.

В числе изменений, затронувших современную семью, к наиболее значимым для работы с молодежью относятся обесценивание статуса родительства, изменение структуры функций семьи, обновление системы сексуальных отношений. До недавнего времени традиционная мораль в России была значительно устойчивее, требуя оформления сексуальных отношений. Этим определялась доминирующая практика ранних браков. В странах Запада брачные отношения оформляют значительно позже, добрачные связи не рассматриваются в качестве не зарегистрированной семейной жизни, как случайные связи.

Стадиально ситуация близка имевшей место в Европе и США на рубеже 60-х – 70-х годов, когда преодолевался кризис сексуальной революции и рождалось поколение детей, лишенных родительского внимания. Относительное благополучие средней советской семьи достигалось, в числе прочего, отказом от многодетности, что естественно для индустриальных стран. Однако, переход от многодетной семьи к малодетной предполагает радикальное изменение системы ценностей, отход от традиционной модели, в которой связь *поколений* имела естественную основу, а статус члена семьи обуславливался принадлежностью к ней по кровному родству, предполагал определенные ролевые отношения.

Нуклеарная семья индустриального общества не просто становится меньше, чем семья традиционных обществ, у нее иные функции, иная структура. В ней должна сформироваться новая система ролей, переход к которой естественно предполагает период реконструкции норм, возможность аномии. Античная Греция кануна века Перикла восхищалась Солоном всего-навсего потому, что он провел закон, запрещающий родителям убивать и продавать в рабство детей. Европейские общества XVIII-XIX веков, кажется, не нуждались в принятии подобных специальных законов, но в отношении уровня зависимости детей от родителей не так далеко ушли от античной Греции. Молодежный бунт, от эпохи футуристов до баррикад 1968 года, в основе своей имеет порожденный этой зависимостью протест.

На фоне полутора столетий феминистского движения и борьбы за права ребенка общество, наконец, научилось замечать семейное насилие. Принято выделять *физическое насилие* (побои, нанесение телесных повреждений, ограничение передвижения, силовое понуждение к тем или иным действиям), *психологическое* (оскорбления, угрозы, изоляция), и *сексуальное*. На практике первые два вида, как правило, совмещаются, и разделять их не всегда можно и нужно, ситуации же в семьях юношей и девушек могут быть индивидуальны. С позиций юноши или девушки в их *данном состоянии* воздействие, имеющее целью изменить его (ее) ценности, установки, намерения – насилие. Однако, если мы все подобные ситуации будем расценивать как насилие, социализация окажется невозможной. С другой стороны, социализирующему воздействию должны быть положены некоторые пределы, что, кстати, признавалось обычным правом и законодательством даже в ранних обществах.

Неблагоприятное положение в родительских семьях, наряду с другими последствиями, провоцирует и закрепление установки на ранние браки. Молодые люди (прежде всего, девушки), формируют иллюзии возможности радикального улучшения жизненных условий посредством установления брачных отношений, часто готовы сменить родительскую семью на что угодно. В результате, к 25 годам (когда в цивилизованных странах молодые люди только начинают поиск серьезных брачных партнеров), 80 % россиянок уже состояли, хотя бы один раз, в браке, а 60 % уже реализовали свои планы относительно рождения детей; половина всех невест в возрасте до 20 лет беременны до свадьбы. Естественно, результатом такой стратегии становится создание непрочных, несбалансированных семей, смена одной зависимости на другую, серьезные трудности в воспитании детей и установлении супружеских отношений. В связи с этим молодые люди остаются под родительской опекой зачастую не только до завершения образования и заключения брака, но и после.

Отношения родителей и детей имеют отчетливую *гендерную специфику*. Отцы, как правило, склонны выше оценивать интеллектуальный потенциал детей, хотя российские отцы в малой мере претендуют на роль кормильцев,

отношения между матерью и детьми отличаются более высокой эмоциональной напряженностью.

Базируясь на принятых в социологии, начиная от М. Вебера, концептуализациях стиля власти, выделяют три *стиля родительского поведения*: авторитарный, либеральный, авторитетный. В первом случае (*авторитарный стиль*) речь идет о полном подавлении инициативы юношей и девушек. Родители озабочены не столько воспитанием, сколько решением сугубо прагматических задач (исключить ситуации включения детей в плохую компанию, приобщения к запретным удовольствиям, устранить возможность замечаний со стороны окружающих, или обеспечить помощь по дому), или понимают воспитание как диктат. Авторитарный родительский стиль дает основания для предположения о возможной проблематичности развития личности молодого человека в семье.

Либеральный стиль предполагает переоценку родителями самостоятельности детей. По существу, они просто в той или иной степени освобождают себя от обязанностей по воспитанию. Этот стиль также не обязательно приводит к формированию личности со слабым развитием самоконтроля, расположенной к пренебрежению нормами и правилами. Однако, в большинстве случаев он дает именно такие результаты, и исключения из общего правила, опять-таки, есть не позитивный результат стиля, а следствие развития, определенного иными факторами, для которого невмешательство родителей просто создало благоприятные условия.

Авторитетный стиль предполагает, с одной стороны, доверие и уважение к личности подростка, с другой – понимание родителями, что на них лежит ответственность за правильное формирование личностных качеств их детей. Авторитетная власть не может быть основана на насилии, она предполагает компетентность родителей в важных для детей вопросах, умение ставить и решать жизненные проблемы. Как правило, результатом оказывается нормальное развитие социальных качеств и личностных свойств молодого человека.

Существенным образом на формировании юношей и девушек в семье могут сказываться *практики исключения*, возникающие в случае супружеских конфликтов, особенно, при вовлечении в них детей. *Исключенный* родитель перестает быть агентом социализации, его потенциальный авторитет утрачивается и не может быть использован в воспитании.

Семья удовлетворяет потребность в ощущении сплоченности, защищенности. Она продуцирует механизмы адаптации к различным социальным ситуациям и дает возможность их апробации. В ней удовлетворяется потребность в общении на разных уровнях. Принято выделять три функции семьи, имеющие выраженный воспитательный эффект: интеграция, адаптивность, коммуникация.

Слишком *сплоченная* семья не выпускает молодого человека, не дает обрести самостоятельность. Чрезмерно свободно организованная оказывает слабое влияние, не может подготовить к взрослой жизни. *Адаптивность* также не

должна предполагать ни закостенелости семейных традиций, ни легкого отказа от идентичности: юношам и девушкам надо обрести умение владеть ситуацией, включаться в нее, не утрачивая своего Я. Наконец, *коммуникация* в семье обеспечивает формирование необходимых навыков социальных взаимодействий, но, при чрезмерном развитии, может создавать замкнутый организм, доходящий до выработки собственного языка. Подобная ситуация особенно возможна в семьях, замыкающихся в себе, с низким уровнем социальных связей, и центрированных на ребенка, когда взаимоотношения супругов оказываются второстепенными по сравнению с отношениями с детьми.

Политика среднего возраста

Не так уж много внимания уделено идентификации основных способов социального, экономического и политического поведения в среднем возрасте. Обследования возрастных различий в культурных и политических установках и поведении редко фокусировались непосредственно на средне – возрастных группах. Люди среднего возраста использовались прежде всего как основа для сравнения политических ориентации молодежи и более старших групп населения.

Было выяснено, что средне-возрастная группа наименее отчуждена от всех возрастных групп: т.е. они менее либеральны, чем молодежь, но не столь консервативны как старые; они большей частью голосуют и участвуют в движении политики «мэйнстрима». Эта группа была проинтерпретирована как занимающая наивысшие властные позиции и сильные ставки в обществе и политике.

Когда группа средних лет была исследована методом кейс-стади и с точки зрения социально- и психобиографической перспективы, анализ опирался на интерпретации жизненного курса. Большая часть работы здесь включает исследования отношений наставника-протее и влияния кризиса среднего возраста на политических лидеров.

Экспериментальные исследования Левинсона людей средних лет выяснил важность отношений наставник-протее в жизни некоторых политиков. Менторские связи не только много дают молодым политическим деятелям относительно политики, но также и обеспечивают возможность карьеры. Влияние кризиса среднего возраста на политических деятелей – тема психобиографических исследований политических деятелей, кризис приводит к изменениям в политической установках и личном поведении.

Старость и политика старости

Плавно, постепенно, совсем незаметно человек приближается к своей старости. Отметим изменение отношения к старости. Старость как особый период развития человека исторически эволюционировала. При этом в сознании наших предшественников старость начиналась достаточно рано и примыкала непосредственно к молодости. Старость понималась не как

дряхлость, а скорее как старение, которое начинается у человека гораздо раньше наступления старости.

Изучение старости проходило под старым лозунгом Цицерона: "Старость есть болезнь". Но в конце XIX века французский врач, психолог и психиатр Ж. Шарко настаивал на необходимости преодоления пренебрежения по отношению к старости. Начиная с этого времени, можно говорить о принципиально новом открытии старости, главным в котором было установление точки зрения на старость как на равноправный в ряду других человеческий возраст, не сводящийся к процессам распада, а самостоятельный и особенный по своим характеристикам период.

А.Шопенгауэр формулирует одну из ключевых идей. Суть ее заключается в отрицании существования возрастной периферии, ибо каждый возраст входит в ядро жизни, имеет свои прагматические ценности, объединяющие положительные и отрицательные моменты. На фоне перечисления негативных свойств старости (убывают жизненные силы, слабеет уверенность, ускоряется течение жизни, падает восприимчивость к внешнему миру), фокусируется внимание на позитивных моментах (в старости люди более умело оберегают себя от несчастий, способны наслаждаться настоящим, находят радость даже в мелочах, старый человек уравновешен, рассудителен, проницателен, освобожден от треволнений юности). Наличие отдельных преимуществ и недостатков на определенном возрастном этапе - неоспоримый эмпирический факт, возрастных этапов с абсолютными преимуществами или недостатками не существует.

Долгое время люди считали возраст естественным состоянием человека, зависящим всецело от видовых свойств его организма, особенностей психофизического аппарата. Господство натуралистических представлений о возрастной психологии человека преобладали вплоть до 20-х годов нашего века, когда бурное развитие этнографических исследований (К.Леви-Брюль, М.Мид, Р.Бенедикт, Ф.Боас) поколебало такую картину возрастных изменений личности. Собранный этнографами материал позволил установить важные различия европейской цивилизации и так называемыми традиционными обществами буквально по всем параметрам процесса развития человека.

То, что казалось европейцу до этого естественным проявлением законов природы, оказалось зависимым от особенностей культуры, в которой формируется человек. Значение этих исследований заключается в том, что они впервые показали, что длительность любого возраста, характер перехода от детства к взрослости, наличие или отсутствие кризиса конфликта в подростковом возрасте зависят не от сугубо естественных причин, а определяется конкретными социальными обстоятельствами жизни человека.

Однако, увеличение средней продолжительности жизни, рост численности пожилого населения стимулируют изучение и понимание природы старения. Сегодня теоретическое осмысление старости происходит на трех уровнях. Первый или низший уровень анализа (микроуровень) включает в себя

процессы физического и психологического старения, присущие отдельному индивиду. Этот уровень объединяет две взаимосвязанные сферы исследования - медико-биологическую и психологическую. Следующий (средний) уровень отражает процесс старения личности как члена группы и переживание опыта старости в непосредственном социальном окружении. Этот уровень может быть назван социально-психологическим. Третий (высший) уровень геронтологического знания - макросоциальный. Здесь анализируются такие явления, как воздействие на процесс старения доминирующего способа производства, характер семейных связей, жилищных условий, религии, распределения экономических ресурсов и политической власти, уровня социального благосостояния, темпов научно-технического прогресса. Все три уровня находятся в сложных отношениях взаимной зависимости; в свою очередь, внутри каждого из них существует целый комплекс взаимовлияний между разными параметрами старения. XX век унаследовал стереотипический образ старика, сформировавшийся в ходе исторического развития. Исследования позволили расширить представления о старости в социальном, психологическом и биологическом аспектах, но отправные идеи - часто весьма противоречивые - сохранились. Общеизвестно, что положение стариков в современном обществе просто чудовищно. Своим существованием они противоречат фундаментальному принципу развития современной цивилизации, где все подчинено поискам выгоды. Существование различных моделей отношения к старым людям в разные исторические периоды, у разных народов не исключает восприятие старика как иного, другого: он одновременно и недочеловек, и сверхчеловек, и идол, и ненужная, изношенная вещь. В условиях существования традиционных локальных групп социальная организация базировалась на принципе половозрастной стратификации. Пол и возраст достаточно четко определяют роль и место индивида в производстве и общественной жизни. В функциональных отношениях разграничение возрастных групп на старших и младших фиксировалось в том, что первые осуществляли руководство социальной и хозяйственной жизнью, а вторые выполняли основные хозяйственные функции.

Власть старейших основывалась на опыте, примерах образцовых действий, эмоциональном и интеллектуальном превосходстве, умении убеждать. Авторитетная позиция старшего поколения в обществе закреплялась возрастным символизмом (возрастные обряды, возрастные стереотипы) . Половозрастная стратификация находит свое выражение в отдельных элементах одежды, жилища, пищевых табу. Повсеместно в традиционной культуре различных народов своего рода маркером выступает головной убор, разграничивая людей разного возраста и социального статуса, что проявляется в орнаменте, цвете, внешнем виде. Неотъемлемыми визуальными атрибутами старости на Руси является ношение бороды у мужчин, и обязательное наличие головного убора у пожилых женщин. Институт старейшин как институт социального управления сохранился и в

наше время, к примеру, среди народов Кавказа, Средней Азии. Его власть, главной чертой которой является прагматизм, отсутствие эмоций и радикализм, продолжает привлекать население. Часто при выборе ориентации или позиции, к примеру, в политическом поведении в современных условиях с их бурными процессами люди обращаются к авторитету стариков. Старики ориентируют людей на разумный подход, остерегают от необдуманных шагов.

К факторам, детерминирующим условия жизни стариков и отношение общества, и в частности родственников к ним, этнологи относят социальную организацию, уровень экономического развития и фиксированность на определенной территории. Так, в оседлых обществах с развитой структурой старики символизируют непрерывность их истории и стабильность социокультурных особенностей. Поддержка и уважение со стороны молодых могла рассматриваться как превентивная мера, стремление последних гарантировать себе аналогичное положение в будущем. В условиях миграционного образа жизни и бесконечных войн реальную власть приобретают молодые, возглавляющие переселение и военные действия.

В небогатых племенах (например, сибирские чукчи) старики до самой смерти могут оставаться собственниками всего семейного имущества и владений и обладать правом их распределения между членами семьи, что обуславливает престиж стариков и социальную стабильность. В обществах с более развитой экономикой, обеспечивающей достаточный уровень жизни, значительное место занимают религиозные и мистические верования, и соответственно усиливается роль стариков, наделенных достаточной властью и авторитетом, которые самореализуются в религиозных функциях или являются носителями аккумулированных знаний и практических сведений, ценностей и традиций.

Уважение к седой старине - характерная черта русской национальной традиции. Древнерусский период проходит под знаком благоговейного уважения к старому, старшему по положению и по возрасту. Согласно летописи, в Древней Руси старцы говорили от лица племени, в городе также обычно выступали вперед «старцы градстии». Возрастная и социальные характеристики лица в смысловом отношении при этом полностью совпадали». Большое влияние на решения веча в русских городах, сменивших их земских соборов, а также деревенских сходок оказывало мнение пожилых людей. Определяющими в решении многих нравственных и общественных вопросов были ссылки на обычаи предков.

Положительная мотивированность в отношении к пожилым людям в русском народном мировоззрении связано с такой социальной единицей как община, которая была самостоятельной и замкнутой общностью, воспроизводящей и передающей свой групповой опыт. Из стариков состояли неформальные органы власти, такие как «суд стариков» и сходка. Приверженность традиции находила свое выражение в установке на старину и во враждебности или недоверии ко всему новому. Этический комплекс межпоколенных

отношений включал задачу угодить старикам, что обуславливало определенный стиль поведения самих членов старшей по возрасту и авторитету группы общины: уверенность в себе, базирующаяся на осознании значения своей возрастной группы в жизни общины и определявшая отчасти характер поведения в отношении молодых. Сохранение на Руси, а затем в России многопоколенных семей способствовало сохранению иерархических отношений, при которых старшие оказывались доминирующей фигурой над домочадцами, что не только приносило ему уважение, но и создавало установку на повиновение ему.

Глава семьи, большак в вопросах обрядности и религиозной идеологии воспринимался остальными членами как последняя инстанция. Чуткость и отзывчивость к старикам младших членов семьи обуславливались особенностями реализуемой ими социализирующей роли. Старики, больше чем кто-либо другой из родственников, удовлетворяли духовные потребности детей: рассказывали им сказки, притчи, мифологические предания. Они поощряли активность детей в процессе их вхождения в жизнь окружающих взрослых, практически не прибегая к наказаниям.

Старики являются на Руси хранителями всевозможных заветов былого - минувшего. Они же - и памятливые сказатели всех сказаний. Многие из этих последних давным-давно вымерли бы, если бы не собиратели, подслушавшие их из уст отходивших на вечный покой патриархов. «Песни не знает - не молод, сказки не расскажет - не старик». Без стариков вообще нельзя было обойтись в многодетной семье. Если по каким-то причинам в семье не было ни бабушки, ни деда, приглашали жить чужую одинокую или убогую старушку, и она нянчила детей. В русской традиции существовало несколько моделей старости: модель старца-пустынника, старца-странника, старика - руководителя общины .

В основе первой модели лежит образ мудрого старика, дистанцированного от сиюминутных треволнений, сконцентрировавшегося на главных, непреходящих ценностях, дающего советы. Другая модель включает в себя страннические стереотипы поведения. Необходимые составляющие образа «старца странника» были физическая или социальная ущербность, как знаки его старческого статуса. Однако, русские этнографы констатируют, что отношения поколений далеко не всегда отвечали нормам патриархальной морали. На значительной территории Европейской России уважение к старикам ослабевало с утерей ими здоровья и физической силы, вследствие чего старики, особенно мужики, чтобы сохранить свои семейные права и социальный престиж, продолжали работать до глубокой старости.

Социализации старости

В настоящее время усиливают внимание к геронтологической проблематике в контексте осознания статуса пожилых как особой социальной проблемы В.Альперович, М.Елютина. Истоки *социализации* старости связаны с процессами изменения характера труда в индустриальном обществе;

географическим разделением поколений, ростом крупных городов; распространением нуклеарной семьи; темпами научного и технического развития, обесцениванием эмпирического опыта старших поколений. Дестабилизация ситуации в нашей стране, фрустрированность сознания людей, живущих в режиме выживания, могут привести к тому, что авторитарность и неприязнь станут «естественной» моделью отношения к пожилым людям.

Межчеловеческая общность строится в диалоге, суть которого не во взаимном размежевании, а в обеспечении общности мироориентации, нравственной и социальной солидарности. При этом, наряду с ценностной рациональностью традиционного общества и целевой рациональностью современного, может быть выявлена рациональность общения, ориентированная на взаимопонимание. Вследствие извращенной коммуникации возникают возрастные социальные стереотипы. Исследованием социальных стереотипов занимались Р. Атчлей, К. Виктор, Д. Майерс, Е. Р. Ярская-Смирнова. Возрастные социальные стереотипы, в свою очередь, способствуют дистанцированию поколений друг от друга. Анализ категории социальной дистанции представляют работы Р.Батлера, Э. Богардуса, Р.Парка. Встают вопросы, как возможно гармонизировать эти взаимоотношения, учитывая различные варианты их взаимозависимости и противостояния, согласия и противоречий символических барьеров, препятствующих эффективному взаимодействию поколений; модели межпоколенных взаимодействий.

Исследование жизненного курса и политики поколения сложно и требует понимания биопсихологических процессов жизненного курса, эффекта когорты и поколений и влияния уникальных исторических периодов на политическое поведение. Существуют две взаимно противоположные концепции старости: концепция «элиминирования» старости и концепция «нормальной» природы старения. Первая концепция определяет старость как болезнь, отмечая при этом деструктивные процессы. Со времен Древнего Рима известно изречение Публия Афры Теренция: «старость - это болезнь».

А. Вейсман выяснил, что старость присуща только сложно организованным структурам, так как не удалось обнаружить старение у простейших. С этой точки зрения старость заключается в разрушении физиологических функций и гибели клеток, ограничении адаптационных возможностей организма, развитии возрастной патологии, увеличении вероятности смертности. Старение определяют как всеобщее прогрессирующее, эндогенное и болезненное угасание, как болезнь или сумму болезней гомеостаза, как прогрессирующую утрату восстановительных и адаптивных реакций, которые служат для поддержания нормальных функциональных возможностей.

Однако болезнь, называемую старостью, нельзя ни лечить, ни вылечить, просто потому, что она не является болезнью. Старость - это естественный этап человеческой жизни. Старость и болезнь - не тождественные, хотя и

взаимосвязанные между собой понятия, так как существует много общего в развитии старения и болезней, главным образом неинфекционных (атеросклероз, артериальная гипертензия, ишемическая болезнь сердца). Однако в «Этюдах оптимизма» И.И. Мечников указывает на то, что «артериальные заболевания, хотя и очень часты в старости, но не связаны неизбежно с преклонным возрастом». Всемирная организация здравоохранения определяет здоровье не просто как отсутствие болезней, а как наличие физических, психических и социальных условий удовлетворенности жизнью.

Можно сделать вывод о том, что пожилой человек является здоровым в том случае, если он хорошо себя чувствует, сохраняет самостоятельность и успешно адаптируется к изменяющимся условиям жизни. Концепция *нормальной* природы старения рассматривает ее как естественный необратимый процесс изменения биопсихических характеристик. При этом одни авторы представляют старение по модели лавинообразного нарастания отказа в деятельности различных систем организма, а другие учитывают положительные жизненные возможности на данном этапе человеческого бытия.

Чтобы оценить политические паттерны возрастных групп, различия и изменения в политике, надо провести лонгитюдные исследования и сравнить показатели между когортами или поколениями и внутри них в течение времени группового и индивидуального анализа. Незрелость института социальной работы с пожилыми людьми, однотипность используемых форм и методов практики тормозят процесс осуществления Венского плана действий ООН по проблемам старения, решение задач федеральной программы "Старшее поколение". Общество нуждается в концепции взаимной самопомощи пожилых людей, необходимые условия формирования которой - научный анализ ее функционирования в качестве существенного элемента социальной работы с пожилыми людьми, система регламентирующих правовых норм, разработка социальных технологий взаимопомощи в контексте социальной работы.

Большинство приверженцев социальной геронтологии ориентируются на концепцию непрерывности жизненного пути. Индивидуальный опыт каждого этапа жизни подготавливает личность к обретению и выполнению новых социальных ролей и функций на следующем этапе. Переходя от ступени к ступени, человек стремится сохранить прежние предпочтения и привычки, усвоенные роли и функции. Старость поэтому должна интерпретироваться как поле битвы за сохранение прежнего стиля жизни вопреки неизбежным ролевым изменениям (смерть супруга, уход детей). В отличие от теорий ухода и активности данная концепция предполагает, что нормальное, «успешное» старение возможно лишь путем разносторонней адаптации к новым условиям и сохранения прежнего положения сразу в нескольких сторонах жизнедеятельности.

Это требует междисциплинарного концептуального понимания и методологической квалификации. Даже, когда накапливается информация и сделаны обобщения, интерпретировать нужно через какое-то время, так как жизненный курс и политика поколений изменяется с флуктуациями в динамической связи между возрастом и политикой.

Сегодня теоретическое осмысление старости осуществляется в рамках четырех основных парадигм.

Интерпретация социальных проблем в терминах социальной патологии. С этой точки зрения трагедия старения заключается в том, что индивид перестает отвечать критериям «нормы» в физиологическом, психологическом, коммуникативном, производственном и прочих отношениях. Независимо от того каким образом исчисляются нормативные критерии, «патологическое» измерение социальных проблем престарелых ограничивает их решение уровнем отдельного индивида, без каких либо рекомендаций, касающихся перестройки социальных отношений и структур.

Антиподом первой парадигмы является модель, где точкой отсчета выступает уровень организации социального целого. Источник социальных проблем - дезорганизация социальной системы. Разрушение вследствие индустриализации и урбанизации традиционного образа жизни и порожденного им образа старости как синонима житейской и профессиональной мудрости. С этих позиций решение социальных проблем престарелых предполагает те или иные макроструктурные изменения.

Социальная проблема понимается как явный или скрытый конфликт ценностей. Проблема старения заключается в неизбежности непрерывного конфликта между потребностями индустриального рынка, нуждающегося в притоке свежей рабочей силы, и стремлением стареющего индивида актуализировать ценность своего социального и личностного «я» посредством продуктивного труда.

Пассивность стариков, их социальное отчуждение, уход в себя трактуется в данном случае как девиантность или варианты отклоняющегося поведения. Данная модель базируется на теории «наименования»; проблемы старости интерпретируются здесь как следствие неадекватного ее восприятия или навешивания ярлыков: старый, слабый, больной, бедный.

Возрастающий интерес в геронтологии повлек за собой интерес к пониманию политических ориентаций и характеристик поведения пожилых людей. Происходят кардинальные изменения социальных и экономических условий жизнедеятельности россиян, в качественном составе старшей возрастной группы населения, характере потребностей на фоне снижения уровня жизни, реформировании системы социальной поддержки в обществе социальных трансформаций. Осуществляется выбор стратегий поведения, готовности нести личную ответственность за свое жизнеобеспечение при минимальной поддержке со стороны государства. Обследования различий возрастной группы в отношении к политике обычно показали, что пожилые люди более консервативны, чем молодые и поколение средних лет, и хотя было

выдвинуто объяснение, что биопсихологическое замедление пожилых ведет к более политически консервативной ориентации, эта интерпретация не была широко принята.

В дополнение к политическим обследованиям пожилых людей был предпринят кейс-стади политических лидеров, чтобы определить влияние старения и болезни на политическое поведение и решения. Исследование старения показало, что происходит физиологический и психологический спад с возрастом: в то время как некоторые пожилые люди могут испытывать быстрый спад, другие испытывают небольшой спад, становятся более уверенными в своих взглядах и более высоко компетентными.

Психобиографические исследования стареющих политических лидеров подтверждают эту точку зрения об отсутствии какого-либо единственного для всех варианта. Подозрительность Сталина переросла в паранойю в старости, в то время, как Чжоу Эн Лай, несмотря на разрушительное воздействие рака, был способен на позитивные решения, сохранил баланс и интеллект до смерти в возрасте 78. Многие российские ученые, академики, общественные деятели сохраняли полную ясность мысли, остроту ума и великолепную работоспособность вплоть до своей кончины в весьма солидном возрасте: Д.Лихачев, И.Тамм, И.Эренбург, А.Райкин.

Эйджизм и власть медицины в геронтологии

Ведущим направлением в интеграции социальных знаний о процессе старения многие годы оставалась биология старения. Открытие Института геронтологии в системе АМН СССР способствовало становлению новых теорий, описывающих процесс старения как более сложный, противоречивый, связанный не только с угасанием функций, но и возникновением приспособительных механизмов, во многом определяющих продолжительность жизни. Уникальные по глубине и масштабам исследования геронтологов способствовали уточнению целей геронтологии, определению механизмов долголетия, сохранения активности в глубокой старости.

Термин эйджизм (*ageism*) был введен в конце 60-х гг. американским геронтологом Робертом Батлером в значении систематического стереотипизирования и дискриминации людей по возрасту, подобно расизму и сексизму в отношении цвета кожи и пола. Эйджизм становится идеологией социального исключения, практикуемого одной возрастной группой по отношению к другой. Если пожилые люди воспринимаются или изображаются как слабоумные, с ригидным мышлением и консервативными манерами, старомодной моралью и отжившими навыками, не похожие на молодых и по этой причине как в меньшей степени люди, то можно говорить об эйджизме.

Вообще, социальное исключение можно определить по Е.Р.Ярской-Смирновой как процесс депривации социальных субъектов от престижных, социально одобряемых ценностей, вытеснения людей на периферию

общества. Разнообразные практики социального исключения формируют ограничивающую среду в системе занятости и культурного потребления, воспроизводя социальное неравенство. Физико-генетическая система социального расслоения – дифференциация людей по их физической силе, способности или склонности к насилию – свойственна первобытной общине, а в российском обществе она до сих пор проявляется в патриархальности властных отношений и культивировании физических канонов нормальности.

Сейчас все чаще анализируют особенности личности пожилого человека, типы старения, методологические основы изучения процесса старения. Особенности адаптации пожилых людей к процессу старения рассматриваются в рамках различных социальных теорий: социального научения А.Бандура, стадий изменения (Д.Прочастка), социальных систем (Н.Луман, Т.Парсонс), действия (Дж.Г.Мид) и жизненного мира (Ю.Хабермас), концепции структуризации (Э.Гидденс), экологических теорий У.Бронфенбреннера.

В социогеронтологических исследованиях получают развитие проблемы образа и качества жизни пожилого человека, использования им своего времени, положения в семье и обществе, общественно-политической активности, взаимоотношения поколений. Социальное исключение пожилых людей проявляется уже не только в аспекте физического насилия, существуют и более изощренные, символические способы маргинализации людей.

Огромной властью здесь обладают наука и образование, способные называть вещи своими именами, вызывающие доверие и согласие у публики благодаря силе своего авторитета. Междисциплинарный взгляд предполагает взаимодействие социальной геронтологии с социологией, социальной антропологией, демографией, медициной, социальной и возрастной психологией, теорией социальной работы, экономикой. Синтез научного знания способствует формированию и развитию культа позитивной старости, определяет динамику качества жизни, динамику роли ближайшего окружения, взаимопомощи в жизни пожилого человека.

Некоторые авторы отмечают, что старение – разрушительный процесс, который протекает в результате нарастающего с возрастом повреждающего действия внешних и внутренних факторов. Это ведет к недостаточности физиологических функций организма, процесс противоречивого развития живых клеток. Они настойчиво повторяют, что старость – заключительный период, фаза человеческой жизни, старость и смерть неизбежны, закономерным завершением процесса старения является смерть. Такие формулировки пугают читателя, создавая негативный образ старения, старости, пожилого человека.

Время старости традиционно сводится к биологической и календарной формам, игнорируется социальное, экзистенциальное, человеческое. В геронтологии оперируют понятиями календарного возраста, он определяется на основании документально подтвержденной даты рождения. Определение

биологического возраста важно для разграничения физиологического и преждевременного старения, разработки профилактических мероприятий, социальной защиты человека, проведения пенсионной политики. Это объясняется тем бременем, которым якобы выступают старики для трудоспособных групп общества: Старость – самый тяжелый период жизни человека, а демографическое постарение требует от общества все больших затрат финансовых и других материальных ресурсов на обслуживание этой возрастной категории населения. На обложке, иллюстрируя представления авторов о старости, – фотография пожилой женщины в темном платке; ее поза вызывает жалость к беспомощной и слабой старушке.

Старость ассоциируется по мнению Е.Р.Ярской-Смирновой с опасной ловушкой: смерть у старых людей наступает внезапно от какого-либо банального заболевания, которое очень быстро приводит к старческой немощи, и человек, не успевший осознать всего происходящего, умирает в драматической ситуации душевного разлада. Пожилой человек показан больным, неадекватным, пассивным и эмоционально неустойчивым: Неприязнь к непривычному распространена среди пожилых людей, все чаще их окружает новое, малопонятное, возникает необходимость в пересмотре своих позиций, угнетают материальные трудности.

Вместе с тем этимология геронтологических терминов не дает лишь негативные коннотации понятия старость; слова *старый* и *старший* восходят к славянскому *старый* – *крепкий*; в английском *ageing* одновременно присутствуют два значения: *старение* и *взросление*, немецкое *Alter* (старость) близко к *Eltern* (родители), слово старость в древних языках связывалось по смыслу с жизненной силой, энергией. Студенты, преподаватели и специалисты-практики должны знать, что старость многолика в разных культурно-исторических контекстах, в зависимости от того, как ее определяет общество и сами пожилые женщины и мужчины.

Мы до недавнего времени жили в самом настоящем геронтократическом государстве; подтверждение безусловного авторитета пожилых людей дают нам также восточные общества. Хотя здесь не подвергается сомнению высказывание о том, “что во всех цивилизованных странах к старым людям относятся плохо, а во всех традиционных аграрных доиндустриальных обществах к ним относятся положительно”, известны исторические прецеденты, фиксирующие вариативность отношения к пожилым людям. Например, современные американцы называют пожилых людей не стариками, а уважаемыми гражданами – *senior citizens*.

Экономико-утилитарный дискурс не оставляет сомнения в том, что пожилые люди рассматриваются, если не как слабые девианты, то как все еще полезный материал: эта мысль отчетливо звучит в форме “Использование остаточной трудоспособности пенсионеров по возрасту”. Реабилитация пожилых и старых людей “дает значительный экономический эффект, поскольку освобождает от ухода за больными стариками большое количество медицинского персонала, в случае помещения их в больницу, а также

родственников, избавляя их от необходимости оставить профессиональную деятельность”. Но вот вопросы, связанные с активной жизненной позицией пожилых людей, образовательные, социально-политические, рекреационные, коммуникативные способы позитивной коммуникации поколений, включения пожилых людей в социальные взаимодействия обойдены вниманием.

В наше время нельзя забывать о том, что при беседе со старым человеком нужно стараться сохранять на лице выражение интереса, сочувствия и доброжелательности. К сожалению, многие из нас оставляют на себе доброжелательную маску, скрывая под ней безразличие и некомпетентность, а порой презрение и враждебность по отношению к пожилым. Позволит ли знание социальной темпоральности как разветвленной формы взаимодействия поколений и траекторий жизненного пути преодолеть возникновение *геронтофобии* как к старым людям, так и собственному будущему старению, проникнуться гуманностью и чувством общественной необходимости своей профессии, пока неясно.

Что касается политической активности пожилых людей, то объединения пожилых россиян для отстаивания своих интересов возникают сравнительно недавно. В анализе политических аспектов старения доминируют проблемы политических взглядов, социальных движений пожилых людей, роли официальных правительственных организаций в социальном обеспечении старости. Исследования не подтверждают распространенные представления о консерватизме, политической пассивности пожилых людей. Степень представленности пожилых людей в электорате, активность их в голосовании позволяют рассматривать создаваемые ими группы как средство в борьбе за участие во власти.

Поведение пожилых людей определяется нормами социальной группы, к которой они принадлежат. Эти другие, молодые члены общества, именуют представителей старшего поколения как зависимых от внешних условий, бесполезных, маргинальных, утративших прежние способности, уверенность в себе и чувство социальной и психологической независимости. Социальное положение пожилых означает прежде всего пассивность, поэтому «именующая» часть общества, обладающая возможностью активного влияния, может и должна разработать социальные программы для улучшения жизни «пассивных» престарелых. Существуют подходы, акцентирующие маргинальность пожилых людей, их положение социальных изгоев. Их удел - это низкие доходы и скудные возможности. Сторонники данного подхода уделяют внимание изучению субкультуры пожилых, обусловленной сходными условиями жизни и общими бедами. Однако такой подход игнорирует факт социальная неоднородность пожилой части общества.

Краткое содержание раздела

Осознание взаимосвязи социальной жизни и исторического времени происходит на разных уровнях, вычленяющих динамические черты

жизненного пути. Течение и конечность времени, взаимосвязь совместных жизней и человеческий выбор являются ключевыми механизмами, посредством которых социальные изменения и линии ролевого поведения влияют на курс и субстанцию социальных практик. В рамках парадигмы жизненного пути можно выделить: взаимодействие человеческой жизни и исторического времени; социальное время; измерение возраста и возрастных норм жизненных событий.

Социологическое понимание времён более конкретно. Например, историческое влияние на жизненный путь может формировать эффект когорт, который определяет успех или неудачу в определённых сферах жизни. В демографии это явление известно, например, как *эхо войны*, что влияет, например, на возможность выбора партнера на брачном рынке или доступность образования из-за неравной численности когорт по половому признаку. Год рождения и вхождение в когорту в определённом смысле овеществляют социальные изменения и время. В более широком плане исторический контекст жизненного пути связан с эффектом поколений, взятых с точки зрения разнообразных системообразующих факторов. В этом понятии репрезентируется жизненный путь индивида, взаимная стратификация жизненного курса субъекта и его временного мира, которая способна обнаружить структурные признаки, определяющие временные формы и событийные узлы жизненного пути.

Отношения юношей и девушек в родительских семьях существенным образом определяют характер процессов социализации. От характера социальных изменений зависит, насколько быстрым будет процесс отделения молодежи от родительской семьи, в какой степени его будет сопровождать напряженность, конфликтность. Выделяют стили родительского поведения: авторитарный, либеральный, авторитетный. Наиболее эффективен, с точки зрения теории, последний, однако, практики демонстрируют достаточно сложную картину воздействий родительского стиля на процессы социализации.

Три функции семьи имеют достаточно выраженный воспитательный эффект: интеграция, адаптивность, коммуникация, определяют переход к самостоятельности и созданию собственной семьи эмоциональная, аттитюдная, функциональная и конфликтная независимость. Развитие этих типов независимости не может идти строго параллельно, неизбежно возникновение рассогласований, вызывающих кризисные ситуации.

Раннее материнство и отцовство следует считать серьезной общественной проблемой. Юноши и девушки пропускают важнейший период в собственном развитии, их самостоятельность оказывается под вопросом. Для них намного сложнее приобрести образование, конкурентоспособную специальность, квалифицированную, хорошо оплачиваемую работу. При этом не происходит адаптации к принятым родителями культурным контурам и системам символических рекомендаций.

Урбанистическая цивилизация не допускает возврата к бытийным формам и жизненным смыслам времени традиционного общества.

Если в индустриальном и доиндустриальном обществах хронологический возраст выступает основной детерминантой социального конструирования последовательности жизненных этапов - детства, юности, среднего возраста и старости, - то теперь жизненный курс принимает институционализированные формы, ужесточается его нормативный и *поднадзорный* характер.

Размывание традиционных представлений о жизненном цикле является той нитью, которая может объединить поколения, тем самым устранив разрыв в преемственности. На смену традиционному жизненному этапу приходит феномен нового среднего возраста, все чаще показателем физического и социального благополучия выступает биологический возраст. Это означает потускнение границ между социовозрастными этапами, в результате чего, жизненный путь может быть понят как встреча, панорама культур.

Постмодернистская программа ориентируется на глобальное изменение всей культуры жизненного пути. Значимые ценности этой культуры должны включать гедонизм жизненного стиля, юношески-игровой подход к проблеме досуга, развитие новых социальных движений, принимающих исключавшиеся прежде ценности «инаковости». Поколение не имеет жесткой прямой связи с понятием возраста.

Теория возрастной стратификации позволяет рассматривать общество как совокупность возрастных групп и отразить обусловленные возрастом различия в способностях, ролевых функциях, правах и привилегиях. Основанием служит хронологический возраст, на первый план выдвигаются такие проблемы, как место пожилых в обществе, индивидуальные перемещения из одного возрастного страта в другой, механизмы распределения социальных ролей. Такая позиция позволяет охарактеризовать престарелых в терминах демографических показателей, проследить их взаимоотношения с другими возрастными группами.

Теперь чаще рассматривают основные тенденции политики жизненного курса и политики поколений, проверяют пригодность того или иного анализа для их исследования. Предлагают интерактивный подход, применяя следующие методы анализа: кросс-культурный, временной ряд, лонгитюдный и возрастно-когортный. К примеру, теория символического интеракционизма Дж. Мида дает возможность эмпирически проследить динамику старения посредством обращения к символическим аспектам взаимодействия пожилых людей с окружающей социальной средой, а также проанализировать формы приспособления к изменяющимся условиям жизни. В рамках интеракционистского подхода разрабатываются такие темы, как адаптация пожилых в домах престарелых; ролевые изменения, связанные с увольнением и пенсией, роль клубов пожилых.

Подход жизненного курса и поколенческий подход к объяснению политического поведения взаимно не исключают друг друга, часто находятся на разных полюсах в политических дискуссиях и исследованиях, которые

имеют тенденцию подчеркивать одну перспективу, игнорируя другую. Однако оба подхода касаются возрастных групповых различий в политике, вопрос такой, или политические взгляды изменяются или остаются неизменными в течение жизненного курса и откуда формируются политические поколения. Чтобы лучше описать и понять отношения между возрастом, временем и политикой, лучше объединить эти две перспективы в один подход.